

СПИРИТИЗМЪ ВЪ ИНДІИ.

ФАКИРЫ-ОЧАРОВАТЕЛИ.

Л. ЖАКОЛЛИО.

СОСТАВИЛЪ И ПЕРЕВЕЛЪ

С. М. Румпловъ.

цѣна 50 коп.

ТИПОГРАФІЯ ЛИТОГРАФІЯ

ПОСТАВШИКА ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

С.Петербургъ.

Р. ГОЛИНЕ.

Невскій, 106.

1883.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 15 Декабря 1882 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.....	4
ВСТУПЛЕНИЕ.	5
ВНЕШНИЕ ФЕНОМЕНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРОИЗВОДИМЫЯ "ПОСВЯЩЕННЫМИ" ИНДУССКИХЪ ПАГОДЪ.	7
I. "Посвященные", обладающие такъ называемою таинственною силою.	7
II. Факиры-очарователи.	9
III. Пляска листьевъ.	11
IV. Бронзовая ваза. Стуки подъ тактъ музыки.	20
V. Фонтанъ. — Магическій карандашъ.	26
VI. Поднятіе на воздухъ. Стуки во время ночи.	28
VII. Бамбуковый табуретъ.— Цвѣточная ваза въ воздухъ. — Таинственный панкахъ.	30
VIII. Столикъ, прикрѣпленный къ полу. — Градъ стуконъ. — Маленькая мельница. — Полетъ перьевъ. — ГармониФлютъ.	33
IX. Рисунки на пескѣ. — Колодезь и работникъ. — Потеря голоса. — Передача мысли. — Слово прочитанное въ закрытой книгѣ. — Мелодическіе звуки въ воздухъ. — Полетъ пальмоваго листа. — Поднятіе факира на воздухъ.	39
X. Произвольное произрастаніе.	44
XI. Таинственные руки. — Приносъ цвѣтовъ и вѣнковъ. — Огненные буквы. — Тѣнь жреца-брамина. — Музыкантъ-привидѣніе.	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	53

Л Жаколліо

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Луи Жаколліо, извѣстный ученый оріенталистъ, посвятилъ многіе годы своей жизни изученію древнихъ и новыхъ вѣрованій восточныхъ народовъ. Во время пребыванія своего въ Индіи, занимая служебный постъ во французскихъ колоніяхъ, онъ близко ознакомился съ бытомъ, нравами и языкомъ туземцевъ. Перу его принадлежатъ многія научныя сочиненія по изслѣдованіямъ восточныхъ религій и древнихъ памятниковъ. Кромѣ того онъ описалъ свои путешествія по Индіи. Сочиненія его отличаются увлекательнымъ слогомъ, строгою правдивостью и глубокимъ знаніемъ дѣла. Предлагаемый настоящій выпускъ нашъ заключаетъ въ себѣ описанія спиритическихъ явленій, производимыхъ индусскими факирами. Жаколліо, какъ серьезный налюдатель, заслуживаетъ со стороны безпристрастнаго читателя полнѣйшаго довѣрія.

С. Т. Румиловъ.

Ц. С. Декабрь 1882 г.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію феноменовъ и внѣшнихъ проявленій, посредствомъ которыхъ индусы стремятся доказать, что они владѣютъ таинственною силою, которая является прямымъ слѣдствіемъ, ихъ религіознаго вѣрованія въ непосредственное вліяніе духовъ на весь міръ, мы желали-бы въ этомъ отношеніи оградить себя отъ всякой личной отвѣтственности.

Мы ничего не утверждаемъ на основаніи большинства тѣхъ странныхъ явленій, которыя мы намѣреваемся описать. Ихъ можно объяснять чѣмъ угодно, необыкновенною-ли ловкостью, пріобрѣтенною долготѣмъ упражненіями, или-же шарлатанствомъ и даже галлюцинаціей; но чтобы быть вполне безпристрѣстными и правдивыми, мы должны замѣтить, что, несмотря на строжайшій контроль, которому охотно подчинялись всѣ факиры, намъ никогда не удавалось, хотя-бы одного изъ нихъ, на мѣстѣ уличить въ обманъ, что однако, мы вполне допускаемъ, не можетъ еще служить неоспоримымъ доказательствомъ ихъ правдивости.

Извѣстный миссіонеръ г. Гюкъ, описавшій нѣкоторыя изъ упомянутыхъ явленій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ Тибетѣ, подобно намъ не былъ въ состояніи открыть ихъ секрета.

Мы не считаемъ нужнымъ также скрывать, что ни въ Индіи, ни на островѣ Цейлонѣ, мы не встрѣчали ни одного европейца, даже среди давно живущихъ въ этихъ краяхъ, который-бы могъ указать намъ способъ, употребляемый послѣдователями ученія духовъ для производства означенныхъ явленій.

Изъ этого вовсе однако не слѣдуетъ, чтобы лично мы признавали возможность проявленія невидимыхъ существъ.

Мы не послѣдователи спиритическаго ученія; если мы и признаемъ, что отрицаніе во что-бы то ни стало есть поступокъ, который человѣкъ при всемъ несовершенствѣ своемъ не вправѣ позволять себѣ, то тѣмъ не менѣе мы должны прибавить, что и научное подтвержденіе можетъ быть допущено только послѣ тщательнаго изслѣдованія, основаннаго на разностороннихъ доказательствахъ.

И такъ, мы являемся только повѣствователями фактовъ, въ которыхъ нѣкоторые въ состояніи усмотрѣть таинственныя проявленія, другіе-же могутъ принять ихъ только за ловкое индуское фокусничество.

Не пускаясь въ отвлеченныя разсужденія, замѣтимъ, что существуетъ извѣстное число феноменовъ, которые мы можемъ приписать вліянію естественныхъ силъ, но законы которыхъ еще не удалось открыть человѣку.

Какое-же это вліяніе, или, вѣрнѣе, сила, которую индусы приписываютъ чистому флюиду “Агаза”, управляемому духами?

Въ этомъ отношеніи мы ничего не беремъ разъяснять и не можемъ быть авторитетомъ. Но каждый разъ, когда намъ

приходится слышать нападки полные презрѣнія и ироніи, направленные противъ знаменитаго ученаго Уильяма Крукса, члена Лондонскаго Королевскаго общества, по поводу его изслѣдованій спиритическихъ явленій, которымъ онъ посвятилъ себя съ цѣлью открыть законы дѣйствующей силы, намъ невольно приходятъ на память слѣдующія слова Гальвани, которому Западъ впервые обязанъ опытами надъ электричествомъ*:

“На меня нападаютъ люди двухъ категорій: ученые и невѣжды. Обѣ эти категоріи стараются меня выставить въ смѣшномъ видѣ и выдаютъ за танцовальнаго учителя лягушекъ, а между тѣмъ я убѣжденъ, что открылъ одну изъ величайшихъ силъ природы.

Вообще относительно нѣкоторыхъ феноменовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ вызываніями, видѣніями и другими всякаго рода сверхъестественными проявленіями, которыя явно не противорѣчатъ законамъ природы, а суть явленія чисто физическія, не болѣе чудесныя нежели производимыя электрическимъ токомъ, мы полагаемъ, что отрицаніе ихъ или подтвержденіе только послѣ тщательнаго научнаго изслѣдованія имѣло-бы болѣе значенія, чѣмъ отрицаніе или подтвержденіе а priori.

За примѣрами подобнаго отрицанія ходить не далеко. Развѣ сила пара и электричества не была вначалѣ отвергаема?

Феномены; которые мы намѣрены описать, принадлежатъ къ тремъ различнымъ видамъ:

1) Феномены и внѣшнія проявленія, производимыя духовною силою и большею частью при посредствѣ матеріальныхъ предметовъ.

2) Феномены магнетизма и сомнамбулизма, и

3) Феномены вызыванія и явленія духовъ и приносы ими матеріальныхъ предметовъ.

Явленія относящіяся къ первому виду, какъ кажется, легко могутъ быть подвергнуты контролю, и мы укажемъ, что именно, по мѣрѣ возможности, нами было въ этомъ отношеніи предпринято, причемъ однако мы не будемъ высказывать личнаго своего мнѣнія относительно причины этихъ явленій.

Что-же касается до послѣдняго вида феноменовъ, то они не могутъ быть подвергнуты научному изслѣдованію; поэтому мы совсѣмъ исключили-бы ихъ изъ настоящей книги, если-бы не имѣли въ виду слѣдующаго обстоятельства. Весь древній міръ вѣрилъ въ возможность вызыванія и проявленія духовъ, и всѣ религіи съ христіанствомъ во главѣ включили эти феномены въ свои мистеріи въ видѣ чудесъ, а потому мы полагаемъ, что описаніе ихъ представитъ по крайней мѣрѣ историческій интересъ, тѣмъ болѣе, что эти странныя явленія служатъ еще по сіе время въ Индіи средствомъ вліянія на массы умовъ и являются основаніемъ всѣхъ древнихъ повѣрій.

* Въ Индіи электрической токъ былъ извѣстенъ въ самой отдаленной древности.

ВНѢШНІЕ ФЕНОМЕНЫ И ПРОЯВЛЕНІЯ, производимыя "посвященными" индусскихъ пагодъ.

ГЛАВА I.

"Посвященные", обладающіе такъ называемою таинственною силою.

"Посвященные" обладаютъ такъ называемою таинственною силою въ болѣе или менѣе значительной степени, смотря по разряду, къ которому они принадлежатъ.

Къ первому разряду "посвященія" принадлежатъ:

Грихасты, Пурохиты и Факиры. Грихасты, или главы семействъ, не покидаютъ свѣта и служатъ какъ-бы посредниками между храмомъ и народомъ.

Имъ воспрещается публично производить какія-бы то ни было явленія. Они имѣютъ право и даже обязаны въ скрытыхъ помѣщеніяхъ своихъ жилищъ, исключительно предназначенныхъ для этой цѣли, вызывать души своихъ умершихъ предковъ по восходящей линіи, чтобы получать отъ нихъ наставленія, которыми они должны руководиться во время своей земной жизни.

Пурохиты, или обыкновенные жрецы, выполняютъ народныя требы, совершаютъ всѣ семейныя обрядности, вызываютъ родственныхъ духовъ, изгоняютъ злыхъ, разъясняютъ гороскопы*, присутствуютъ при рожденіяхъ, бракосочетаніяхъ и похоронахъ, производятъ всѣ явленія счастливыхъ или дурныхъ предзнаменованій, призываются на помощь въ случаяхъ одержанія или изступленія и избавляютъ подверженныхъ этимъ припадкамъ отъ вреднаго внѣшняго вліянія злыхъ духовъ. Они живутъ при храмѣ на землѣ, принадлежащей Пагодѣ.

Факиры-очарователи, или сборщики пожертвованій въ пользу храмовъ, странствуютъ по деревнямъ и городамъ и производятъ публично по желанію самыя поразительныя явленія, которыя повидимому совершенно идутъ въ разрѣзъ съ такъ называемыми законами природы. По вѣрованію Браминовъ, духи помогаютъ имъ въ производствѣ этихъ явленій; они имѣютъ право и возможность вызывать ихъ по желанію.

Ко второму разряду "посвященія" принадлежатъ Санніасизы, а

къ третьему: Нирванисы и Югуисы.

Въ этихъ послѣднихъ двухъ высшихъ степеняхъ сила "посвященныхъ" имѣетъ одинаковое свойство, проявляясь въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Они убѣждены, что подчинили своей власти видимый и невидимый міръ. Свои сверхъестественныя явленія они производятъ во внутреннихъ

* Предсказаніе судьбы по положенію звѣздъ въ часѣ рожденія младенца.

помѣщеніяхъ храмовъ и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ — у раджъ и другихъ вліятельныхъ лицъ Индіи.

По ихъ увѣреніямъ, время, пространство, тяжесть и даже физическая жизнь для нихъ не существуютъ; они обладаютъ способностью по желанію покидать свою смертную оболочку и снова принимать ее; они яко-бы могутъ повелѣвать стихіями, въ состояніи передвигать скалы и останавливать теченіе водъ. По моему мнѣнію, въ данномъ случаѣ незнающая предѣловъ восточная фантазія даетъ себѣ полнѣйшій просторъ. На этихъ мечтателей въ Индіи смотрятъ, какъ на полубоговъ.

Во всемъ этомъ, какъ видно, существуетъ полная организація, имѣющая цѣлью, опираясь на касты, поддерживать духовную власть надъ всей остальной массой населенія.

Предполагаютъ, что въ подземныхъ святилищахъ пагодъ всѣ эти "посвященные" подвергаются въ продолженіе многихъ лѣтъ извѣстнаго рода подготовленіямъ, которыя, при полной ихъ аскетической жизни, изнуряя организмъ, способствуютъ развитію и выдѣленію въ значительной степени такъ называемаго чистаго флюида "агаза"*. Намъ не было возможно узнать что-либо опредѣленное относительно этихъ таинственныхъ подготовленій.

Феномены, которые мы описываемъ, производились преимущественно факирами.

* Въ спиритизмѣ этотъ флюидъ называется медиумизмомъ или медиумическимъ флюидомъ, а лица, обладающія имъ — медиумами.

ГЛАВА II

Факиры-очарователи.

Едва-ли кому-либо не приходилось слышать рассказы объ удивительной ловкости индусскихъ факировъ. Европейцы обыкновенно называютъ ихъ просто — очарователями или жонглерами. Всѣ-же азіятскіе народы приписываютъ имъ сверхъестественныя способности, въ чемъ и они сами вполне убѣждены.

Когда путешественники, побывавъ въ Индіи, начинаютъ рассказывать о чудесахъ, производимыхъ факирами, то имъ обыкновенно указываютъ на фокусниковъ, которые не хуже ихъ въ состояніи исполнить-то-же самое. — Для того, чтобы читатель имѣлъ возможность судить, насколько основательно подобное сужденіе, мы считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ факиры производятъ свои явленія.

Вотъ факты, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Вполнѣ ручаясь за ихъ достовѣрность, я убѣжденъ, что никто не уличитъ меня въ искаженіи истины или преувеличеніи.

Факиры не производятъ явленій въ такихъ мѣстахъ, гдѣ при значительномъ скопленіи народа контроль былъ-бы затруднителенъ.

Факиры никѣмъ не сопровождаются. Они ходятъ одни и не нуждаются въ помощникахъ.

Факиры являются въ дома совершенно нагими, прикрываясь только кускомъ полотна немного шире ладони.

Факиры не имѣютъ понятія о какихъ-либо приспособленіяхъ, употребляемыхъ европейскими фокусниками, какъ-то: о стаканчикахъ, волшебныхъ мѣшкахъ, шкатулкахъ съ двойнымъ дномъ, механическихъ столахъ и тысячи подобныхъ аппаратовъ.

Они не носятъ при себѣ рѣшительно ничего, кромѣ бамбуковой трости нетолще карандаша, съ семью колѣньями, которую они держатъ въ правой рукѣ, и свистка длиною около трехъ дюймъ, который они привязываютъ въ пряди своихъ длинныхъ волосъ, чтобы, при полномъ отсутствіи одежды, не носить его постоянно въ рукахъ.

Факиры производятъ явленія, стоя или сидя, смотря по желанію лица, у котораго они находятся. Мѣсто для нихъ тоже безразлично: въ гостиной-ли на тростниковой циновкѣ, на мраморныхъ, гранитныхъ или гипсовыхъ плитахъ веранды, или же просто на голой землѣ въ саду.

Когда факирамъ приходится производить магнетическіе или сомнамбулическіе опыты, и имъ нуженъ для этого субъектъ, то они пользуются любымъ изъ слугъ по вашему указанію.

Они дѣйствуютъ съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ на туземцевъ, такъ и на европейца, если онъ согласится предоставить себя въ ихъ распоряженіе.

Когда для опыта имъ требуется какой-либо предметъ, какъ напр., музыкальный инструментъ, трость, бумага, карандашъ и т. п., они просятъ васъ снабдить ихъ необходимымъ.

Они повторяютъ опытъ какое угодно число разъ, и даютъ вамъ полнѣйшую свободу контролировать себя.

Наконецъ, они никогда не требуютъ вознагражденія, а довольствуются ничтожнымъ подаяніемъ, жертвуемымъ вами въ пользу храма, въ вѣденіи котораго они состоятъ.

Впродолженіе моего многолѣтняго путешествія поИндіи, мнѣ ни разу не приходилось встрѣчать ни одного факира, который уклонился-бы отъ выполненія котораго-либо изъ этихъ правилъ.

Послѣ всего сказаннаго мы предлагаемъ читателю слѣдующій вопросъ: согласился-бы даже самый ловкій изъ нашихъ фокусниковъ при подобныхъ-же условіяхъ, не пользуясь никакими аппаратами, дать представленіе? Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Не вдаваясь ни въ какія объясненія, я привожу здѣсь одни только голые факты.

ГЛАВА III
Пляска листьевъ.

Не придерживаясь особенной системы, я намѣренъ описать явленія въ томъ видѣ, въ какомъ они набросаны у меня въ замѣткахъ.

То, что мы подразумеваемъ подъ психическою силою, называется у индусовъ "арта-аханкаразія", т. е. сила моего я.

Мнѣ пришлось прожить нѣсколько лѣтъ въ Пондишери, столицѣ французскихъ владѣній въ Карнатикѣ. Однажды около полудня мой "добаши", т. е. слуга, доложилъ мнѣ, что какой-то факиръ желаетъ меня видѣть.

Покинувъ Европу, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о явленіяхъ, которыя спириты приписываютъ вліянію своихъ медиумовъ. Я даже не зналъ, на чемъ основывается спиритическое ученіе, которое считалъ совершенно новымъ вымысломъ. Въ настоящее время я убѣдился, что оно также старо, какъ индусскіе, халдейскіе и египетскіе храмы, потому что всѣ древнія религіи начались съ вѣрованія въ духовъ и ихъ внѣшнія проявленія, которыя и послужили какъ-бы источникомъ небесныхъ откровеній. Прежде мнѣ не удавалось видѣть даже простаго столика, приходящаго въ движеніе отъ наложенія на него рукъ. Все что сторонники спиритизма приводили въ подтвержденіе своего ученія, казалось мнѣ крайне невѣроятнымъ, преувеличеннымъ и раздутымъ. А потому мнѣ, закоренѣлому раціоналисту, какимъ я остался и понынѣ, никакъ не могла придти въ голову мысль заняться верченіемъ столовъ, которому въ то время повсемѣстно предавались съ непомѣрнымъ увлеченіемъ.

Что-же касается факировъ, то я считалъ ихъ простыми фокусниками, и обыкновенно отказывался принимать ихъ, когда они ко мнѣ являлись.

Тѣмъ не менѣе мнѣ постоянно приходилось слышать объ ихъ удивительной ловкости, и я рѣшился хотя-бы одинъ разъ провѣрить это на самомъ дѣлѣ.

Приказавъ впустить индуса, я отправился къ нему въ одну изъ внутреннихъ верандъ своего жилища.

Меня поразила его худоба. Тощимъ лицомъ своимъ онъ походилъ на отшельника. Безжизненные глаза его производили на меня впечатлѣніе подобное тому, какое я уже испытывалъ, когда мнѣ приходилось всматриваться въ неподвижные сѣрозеленые глаза большихъ морскихъ акулъ.

Въ ожиданіи моего прихода, онъ сидѣлъ на корточкахъ на мраморномъ полу веранды.

Замѣтивъ меня, онъ медленно приподнялся. Приложивъ обѣ руки ко лбу, онъ поклонился и пробормоталъ слѣдующія слова:

— Саранай айа (глубокій поклонъ, господинъ); это я, Сальванадинъ-Одеаръ, сынъ Канагарайенъ-Одеара. Безсмертный Вишну да хранить твои дни!

— Саламъ* Сальванадинъ-Одеаръ, сынъ Канагарайенъ-Одеара, да приведется тебѣ умереть на священныхъ берегахъ Тирканги* съ тѣмъ, чтобы твое воплощеніе было послѣднимъ.

— Жрецъ пагоды, продолжалъ индусъ, сказалъ мнѣ сегодня утромъ; "ступай пользоваться случаями, подобно тому, какъ птицы отправляются на поиски вдоль засѣянаго рисомъ поля". Ганеза, богъ покровительствующій путникамъ, привелъ меня къ твоему жилищу.

— Будь гостемъ.

— Чѣмъ могу я служить тебѣ?

— Я слышалъ, что ты обладаешь способностью приводить въ движеніе предметы, не прикасаясь къ нимъ; я желалъ-бы, чтобы ты мнѣ показалъ это чудо.

— Сальванадинъ-Одеаръ не обладаетъ этою способностью; онъ только вызываетъ духовъ, которые приходятъ помогать ему.

— И такъ, пусть Сальванадинъ Одеаръ вызоветъ духовъ и покажетъ мнѣ ихъ могущество.

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ факиръ снова присѣлъ на полъ и, сунувъ свою бамбуковую трость съ семью колѣньями между своихъ скрещенныхъ ногъ, онъ попросилъ меня приказать слугѣ подать ему семь небольшихъ горшковъ наполненныхъ землею, семь тонкихъ древесныхъ прутьевъ, длиною въ два фута и семь листьевъ, сорванныхъ съ какого-либо дерева.

Когда всѣ эти предметы были принесены, онъ, не прикасаясь къ нимъ, попросилъ меня расположить ихъ въ одну линію въ разстояніи около семи футовъ отъ своей протянутой руки. Потомъ онъ велѣлъ моему слугѣ воткнуть въ каждый горшокъ съ землею по пруту и надѣть на каждый пруть по листу, проткнувъ его посрединѣ.

Каждый листъ, надѣтый такимъ образомъ на пруть, сталъ въ вертикальномъ направленіи спускаться къ горшку и накрылъ его собою въ видѣ крышки. Послѣ этого факиръ поднялъ руки и соединилъ ихъ надъ своею головою. Я услышалъ, какъ онъ внятно на тамульскомъ нарѣчій сталъ вызывать духовъ:

"Всѣ силы, стерегущія начало разумной жизни и основу матеріи, да защитятъ меня отъ гнѣва злыхъ духовъ, и пусть Безсмертный Духъ трехъ видовъ не предастъ меня мести Ямы".

Окончивъ заклинаніе, онъ протянулъ руки по направленію къ горшкамъ съ землею и остался неподвиженъ и какъ-бы въ экстазѣ. Время отъ времени губы его шевелились, какъ будто онъ

*Выраженія "Саранай" и "Саламъ" существуютъ въ употребленіи безразлично между индусами одной касты; между индусами-же различныхъ кастъ, высшая каста имѣетъ право на "Саранай".

* Рѣка въ Южномъ Индустанѣ близъ Вильмора. Она считается столь-же священной, какъ и Гангъ.

все еще продолжалъ шептать таинственный заговоръ. Но ни единый звукъ не долеталъ до моего слуха.

Я смотрѣлъ на всю эту сцену съ усмѣшкою и вмѣстѣ съ тѣмъ съ невыразимымъ чувствомъ любопытства, вовсе не подозрѣвая, что на самомъ дѣлѣ должно было произойти.

Вдругъ мнѣ показалось, будто легкій вѣтеръ коснулся моихъ волосъ и сталъ дуть мнѣ въ лицо. Это движеніе воздуха походило на порывистый вѣтерокъ, который обыкновенно ощущается въ тропическихъ странахъ послѣ захода солнца. Между тѣмъ широкія соломенные циновки, закрывавшія пустое пространство между колоннами веранды, оставались неподвижны.

Я подумалъ, что это обманъ чувствъ, но явленіе нѣсколько разъ подъ-рядъ повторилось.

По прошествіи приблизительно четверти часа времени листья фигового дерева стали медленно подниматься и опускаться по деревяннымъ прутьямъ, на которыхъ они были насажены. При этомъ факиръ оставался все время въ одномъ и томъ-же положеніи.

Я приблизился и сталъ слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ за продолжившимся движеніемъ листьевъ, но долженъ признаться, что не безъ нѣкотораго волненія удостовѣрился въ полномъ отсутствіи всякой видимой связи между индусомъ и листьями.

Нѣсколько разъ я проходилъ по мѣсту, отдѣлявшему факира отъ горшковъ съ землею, но, несмотря на это, движеніе листьевъ не прерывалось.

Я выразилъ желаніе осмотрѣть все это приспособленіе, на что факиръ безпрекословно согласился. Снявъ листья, я вынулъ изъ горшковъ прутья и высыпалъ землю. Затѣмъ я позвалъ своего повара и приказалъ ему подать семь хрустальныхъ бокаловъ, свѣжей земли и новыхъ листьевъ изъ сада. Я досталъ бамбуковую трость, которую самъ разрѣзалъ на семь равныхъ частей и все это опять установилъ, какъ было прежде, но только уже въ разстояніи четырнадцати футовъ отъ факира. Индусъ совершенно равнодушно смотрѣлъ на мои приготовленія, не сдѣлавъ ни одного замѣчанія. Окончивъ ихъ, я обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Думаешь-ли ты, что и теперь помогающіе тебѣ духи въ состояніи продолжать дѣйствовать?

Индусъ ничего не отвѣтилъ, но только попрежнему протянулъ передъ собою руки.

Не прошло и пяти минутъ, какъ листья снова пришли въ движеніе и начали опять подниматься и опускаться по бамбуковымъ тросточкамъ.

Я остолбенѣлъ и признаюсь, что было чему удивляться.

Не признавая себя однако еще побѣжденнымъ, я спросилъ факира, необходимы-ли непременно горшки съ землею, для производства этого явленія. Получивъ отрицательный отвѣтъ, я просверлилъ на одной доскѣ семь дырочекъ и воткнулъ въ каждую изъ нихъ по бамбуковой тросточкѣ съ надѣтымъ на ней листкомъ. По прошествіи нѣкотораго времени то-же самое явленіе въ точности повторилось.

Впродолженіе двухъ часовъ я испробоваль по меньшей мѣрѣ двадцать различныхъ способовъ, но каждый разъ результатъ получался одинаковый.

Я уже сталъ подозрѣвать, не нахожусь-ли я подъ сильнымъ магнетическимъ влияніемъ факира, какъ онъ проговорилъ:

— Не желаешь-ли ты что-либо спросить у невидимыхъ, прежде чѣмъ я разстанусь съ ними?

Я не ожидалъ такого предложенія. Мнѣ не разъ уже приходилось слышать, что европейскіе медиумы пользуются азбукою для своихъ воображаемыхъ бесѣдъ съ духами. Растолковавъ это, насколько было возможно, индусу, я спросилъ его, нельзя-ли въ данномъ случаѣ воспользоваться подобнымъ-же способомъ.

Факиръ отвѣтилъ слѣдующее:

— Предлагай вопросы, какъ тебѣ угодно: листьяостанутся неподвижны, если духамъ нечего будетътебѣ отвѣчать; и напротивъ, листья будутъ подниматься по тросточкамъ, коль скоро они должны будутъ передавать тебѣ мысль тѣхъ, кто управляетъ ими.

Я было уже принялся поспѣшно писать на листкѣ бумаги буквы алфавита, какъ мнѣ пришло въ голову воспользоваться другимъ способомъ. Я вспомнилъ о томъ, что у меня были съ собою буквы и цифры, вдѣланныя въ цинковые кубики на подобіе игральныхъ костей, которыми я имѣлъ обыкновеніе отмѣчать номеръ и фамилію на книгахъ своей библіотеки. Яположилъ эти кубики въ холщевый мѣшечекъ. Факиръ принялъ прежнее свое положеніе. Въ это время я сталъ думать о другѣ, который двадцать лѣтъ тому назадъ умеръ, и попеременно началъ вынимать изъ мѣшечка то буквы, то номера. Вынимая такимъ образомъ каждый кубикъ, я смотрѣлъ на буквы и номера и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко наблюдалъ за малѣйшимъ движеніемъ листьевъ.

Четырнадцать кубиковъ были уже мною вынуты, но особеннаго ничего еще не произошло и листья оставались совершенно неподвижны. При появленіи-же буквы "А" листья пришли вдругъ въ движеніе; быстро поднявшись по тросточкамъ и достигнувъ вершины ихъ, они упали обратно на доску, въ которой были укрѣплены бамбуковые прутья, и остались на ней неподвижны.

Признаюсь, не безъ волненія я долженъ былъ убѣдиться, что движеніе листьевъ совпало въ точности съ появленіемъ первой буквы имени моего умершаго друга. Когда мѣшокъ опустѣлъ, я снова вложилъ въ него кубики съ буквами и номерами и сталъ продолжать начатый опытъ. Такимъ образомъ послѣдовательно буква за буквою и номеръ за номеромъ мною была получена слѣдующая фраза:

"Альбэнъ Брюнье умеръ въ Бурганбрессѣ (въ Энскомъ департаментѣ) 3 января 1856 г." Имя моего друга, день и мѣсто смерти его были точно обозначены. Читая и перечитывая эти слова, я почувствовалъ, какъ кровь хлынула мнѣ въ голову.

Впечатлѣніе было тѣмъ болѣе сильно, что я до того не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о подобнаго рода явленіяхъ и вовсе не былъ къ нимъ подготовленъ. Мнѣ необходимо было нѣсколько времени, чтобы придти въ себя и собраться съ мыслями, а потому не желая на этотъ разъ продолжать болѣе свои наблюденія, я отпустилъ факира, взявъ съ него обѣщаніе придти ко мнѣ на слѣдующій день.

Индусъ оказался весьма аккуратнымъ; въ назначенный часъ онъ явился ко мнѣ.

Мы снова приступили къ тѣмъ-же опытамъ, которые удались также, какъ и наканунѣ. Испытанное мною въ первый разъ смущеніе, весьма понятное при подобныхъ обстоятельствахъ, совершенно исчезло; что же касается убѣжденія въ дѣйствительность сверхъ-естественнаго и существованія духовъ, то въ этомъ отношеніи я ни на шагъ впередъ не подвинулся и остановился на слѣдующемъ предположеніи: "если все это не шарлатанство, не дѣйствіе магнетизма, или галлюцинація, которымъ единственно можно приписать причину подобныхъ явленій... то вѣроятно здѣсь кроется какая-нибудь естественная сила, законы которой еще неизвѣстны; она даетъ возможность обладающему ею дѣйствовать на неодушевленные предметы и передавать чужую мысль на подобіе телеграфа, который соединяетъ между собою два разума, находящіеся на двухъ противоположныхъ концахъ свѣта".

Пораженный постоянно удачнымъ повтореніемъ этого явленія, я провелъ почти всю ночь въ раздуміи и когда на слѣдующее утро явился факиръ, я попросилъ его снова повторить тѣ-же опыты, причемъ уже сталъ поступать сообразно сложившемуся у меня убѣжденію. Обратясь къ силѣ дѣйствующей черезъ факира, я попросилъ ее повторить вчерашнее сообщеніе моего друга, причемъ мысленно сталъ измѣнять орѳографію его имени, и долго останавливался на каждой буквѣ; я получилъ слѣдующій вариантъ: Гальбэнъ Прюнье умеръ и пр.

Я долженъ однако замѣтить, что измѣнить названіе города и день смерти мнѣ не удалось.

Таинственная сила настаивала на своемъ и диктовала: умеръ въ Бурганбрессѣ 3 января 1856.

Факиръ навѣщалъ меня въ продолженіе двухъ недѣль. Съ полною готовностью онъ подчинялся всѣмъ моимъ требованіямъ, и мои опыты видоизмѣнялись слѣдующимъ образомъ.

Я рѣшился не выходить изъ предѣловъ перваго полученнаго мною сообщенія, желая совершенно удостовѣриться въ возможности измѣнять отдѣльные слова его. Иногда я достигалъ перемѣны буквъ, составлявшихъ имя, настолько, что оно выходило неузнаваемымъ. Иногда происходила перемѣна въ числѣ, мѣсяцѣ и годѣ, но мнѣ не было возможно достигнуть малѣйшей варіаціи въ имени города, которое постоянно передавалось въ точности: Бурганбрессѣ.

Оставаясь при вышеупомянутомъ предположеніи, которымъ я и руководился, и допуская, что въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ какая-то естественная сила, служащая связью между факиромъ,

мною и листьями, я вывелъ заключеніе, что я не былъ въ состояніи достаточно изолировать свою мысль отъ настоящей орѳографіи словъ предложенія.

Впослѣдствіи со многими другими факирами, я повторялъ ту-же попытку, но постоянно одинаково неудачно.

Во всѣхъ случаяхъ само явленіе повторялось въ неизмѣнномъ видѣ; въ передачѣ-же мысли являлись нѣкоторые не менѣе постоянные варианты. Варианты эти происходили согласно моему желанію, или напротивъ совершенно противорѣчили ему.

На послѣднемъ сеансѣ факиръ простымъ павлиньимъ перомъ опустилъ вѣсовую доску, на которой ничего не было, тогда какъ на противоположной доскѣ находилось пять пудовъ груза. Стоило ему только наложить руки на какой-либо предметъ, какъ тотчасъ-же поднимался и носился по воздуху вѣнокъ изъ цвѣтовъ, какіе-то неопредѣленные звуки раздавались въ пространствѣ, и парообразная рука чертила по воздуху фосфорическія буквы.

Въ то время я не придавалъ серьезнаго значенія обоимъ послѣднимъ явленіямъ, а смотрѣлъ на нихъ просто какъ на фокусъ, а потому я и не нашелъ въ своихъ замѣткахъ подробнаго описанія этого сеанса. Впослѣдствіи я опишу съ мельчайшими подробностями подобныя-же явленія, которыя мнѣ удалось видѣть при другихъ факирахъ.

Вообще я могу удостовѣрить, что при производствѣ чисто-физическихъ явленій, я не замѣчалъ ни малѣйшаго обмана, и для предупрежденія его принималъ всевозможныя предосторожности и подвергалъ все строжайшему контролю.

Что-же касается психологическихъ явленій, то считаю долгомъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи я ничего точнаго и опредѣленнаго не достигъ. Вообще я не допускалъ сверхъестественнаго посредничества, но просто предполагалъ, что здѣсь образуется посредствомъ тока какая-то связь между факиромъ и присутствующимъ.

Таковы были мои первыя наблюденія въ Пондишери. Судейскія обязанности и специальность моя по изученію древней Индіи не оставляли мнѣ времени продолжать ихъ.

Быть можетъ, мнѣ слѣдовало тогда стремиться изучить эту матеріальную силу, и, допустивъ, что она дѣйствительно существуетъ, попытаться лишить ее торжественности и той обстановки, которою окружаютъ себя очарователи, имѣя въ виду дѣйствовать на воображеніе массъ. У всякаго есть свои занятія, а потому я не считалъ своею обязанностью посвятить себя этому предмету, такъ какъ былъ занятъ, какъ я уже сказалъ, своими служебными обязанностями и историческими изслѣдованіями памятниковъ о первобытныхъ азіатскихъ расахъ.

Относясь ко всему этому безучастно, я принялъ однако за правило, занимаясь своими изслѣдованіями между прочимъ отмѣчать все, что касалось ученія о питтрисахъ, или духахъ, и его послѣдователяхъ. Я думалъ, что въ будущемъ явится возможность ознакомить публику со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось-бы

встрѣтитъ по этому необыкновенному предмету, который, быть можетъ, заинтересуетъ Западъ настолько-же, какъ и древній азійскій міръ.

Съ этого времени я сталъ записывать также всѣ явленія, которыми факиры доказываютъ свое мнимое могущество. Мнѣ казалось, что описаніе этихъ явленій можетъ представить собою краткое изложеніе ученія питрисовъ.

Хотя я и не желалъ выходить изъ предѣловъ строгаго повѣствователя, но въ настоящей главѣ я рѣшилъ описать единственную серьезную попытку, которая была сдѣлана мною съ цѣлью собранія свѣдѣній о силѣ, которою повидимому обладаютъ факиры, и съ помощью которой, по ихъ убѣжденію, они въ состояніи сообщаться съ невидимыми существами, что нѣкоторые, даже изъ весьма выдающихся умовъ нашего времени, признаютъ возможнымъ. Мнѣ казалось, что я долженъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ читателя: почему авторъ этихъ замѣтокъ въ такой степени отрѣшается отъ личнаго своего мнѣнія? Развѣ объ этомъ предметѣ онъ не имѣетъ собственнаго взгляда?

Дѣйствительно, пока еще я не составилъ себѣ объ этомъ предметѣ строгаго-научнаго мнѣнія.

Я убѣжденъ, что въ природѣ и въ человѣкѣ, который составляетъ атомъ всего цѣлаго, существуютъ неизмѣримыя силы, законы которыхъ намъ пока еще неизвѣстны.

Я убѣжденъ, что современемъ человѣкъ откроетъ силы и законы, которыхъ теперь и не подозреваетъ, и на что въ настоящее время смотрятъ, какъ на пустыя бредни, въ недалекомъ будущемъ обратится въ неоспоримую дѣйствительность.

Въ области мысли, какъ и въ матеріальномъ мірѣ, долженъ существовать періодъ зарожденія и разцвѣтанія.

Кто знаетъ, быть можетъ, эта "психическая сила", какъ ее называютъ англичане, или, по выраженію индусовъ, "агаза", т. е. сила моего я, которую развивалъ передо мною простой факиръ, станетъ со временемъ одною изъ величайшихъ силъ человѣчества.

Да не послужатъ въ примѣръ намъ индусы, которые, занимаясь этою предполагаемою силою болѣе десяти тысячъ лѣтъ, не въ состояніи были опредѣлить точныхъ для нея законовъ! Изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и дальнѣйшія изслѣдованія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, окажутся такою-же бесполезною тратою времени.

Брамины подчиняли все религіознымъ вѣрованіямъ; вѣра-же, какъ извѣстно, не допускаетъ ни изслѣдованій, ни научныхъ опытовъ.

Вспомните, какое пагубное вліяніе оказали средніе вѣка на развитіе положительныхъ наукъ, когда аксіомы почерпались изъ библейскихъ текстовъ!

Съ незапамятныхъ временъ жрецы пагодъ взрывали сосуды, въ которыхъ сгущали водяные пары; имъ также были извѣстны нѣкоторыя свойства электричества. Эти познанія однако не привели ихъ къ изобрѣтенію ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ.

Да и въ нашъ новый вѣкъ развѣ намъ не извѣстно, что официальное и ученѣйшее собраніе сочло Фультона за сумасшедшаго и признало электрическій телеграфъ игрушкой, годной развѣ для передачи депешъ изъ одной комнаты въ сосѣднюю. По ихъ мнѣнію, на открытомъ воздухѣ при атмосферическихъ вліяніяхъ проволока не должна была проводить тока.

Въ настоящее время мы видимъ, что весь земной шаръ покрытъ сѣтью телеграфовъ и проволока погружена даже на значительнѣйшей глубинѣ моря.

Затѣмъ взгляните на результаты человѣческихъ усилій. Въ каждомъ столѣтіи всесторонне вырабатывается какая-нибудь идея; каждый ученый разрабатываетъ ее, создаетъ систему и отстаиваетъ ее; каждое ученое общество составляетъ себѣ свое мнѣніе и остается при немъ. Если оно прямо и не говоритъ: "идти дальше воспрещается", то тѣмъ не менѣе всякій сознаетъ, что имъ такъ рѣшено, потому что оно съ негодованіемъ отвергаетъ всякія новыя и смѣлыя мысли, которыя не зародились въ его средѣ. Но является новое поколѣніе и дѣти возстаютъ противъ рутины отцовъ. И вотъ паръ гонитъ суда противъ волнъ и вѣтра, а электричество передаетъ мысль по всѣмъ направленіямъ земнаго шара!

Рѣшившись высказать свое личное мнѣніе, по поводу всего видѣннаго мною въ Индіи, отбросивъ фантастическую обстановку, которою такъ охотно окружаютъ себя индусы, я пришелъ къ убѣжденію: "что въ человѣкѣ должна существовать какая-то особенная сила, дѣйствующая подъ неизвѣстнымъ, но нерѣдко разумнымъ началомъ; законы этой силы должны, быть изслѣдованы учеными спеціалистами, но безъ предвзятыхъ убѣждений и рутины."

Не была-ли это та-же самая сила, которая, будучи развита образованіемъ и извѣстными подготовленіями, употреблялась жрецами древнихъ храмовъ для вліянія на умы невѣжественной массы мнимыми чудесами?

Въ такомъ случаѣ, повѣрія древнихъ не лишены были нѣкотораго основанія; на ряду съ грубыми пріемами суевѣрія дѣйствительно проявлялась естественная сила, приводившая въ движеніе листья на деревьяхъ, колебавшая занавѣси и гирлянды, висѣвшія вокругъ жертвенниковъ, придававшая простымъ павлиньимъ перьямъ вѣсъ въ нѣсколько фунтовъ, или производившая гармоническіе звуки посредствомъ невидимыхъ музыкальных инструментовъ.

Настанетъ-ли наконецъ то время, когда наши ученые удостоятъ этотъ вопросъ своего вниманія и приступятъ къ серьезному изслѣдованію хотя-бы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ явленій, которыя продѣлывались болѣе двадцати разъ на моихъ глазахъ, и относительно которыхъ я не могу допустить и тѣни подозрѣнія въ какомъ-бы то ни было обманѣ или шарлатанствѣ.

Спиритизмъ въ Индіи

Увы! это еще вопросъ будущаго; во всякомъ случаѣ участіе ученыхъ въ этомъ дѣлѣ было-бы весьма полезно уже потому, что они навѣрно разоблачили-бы обманъ, если въ данномъ случаѣ онъ существуетъ, или открыли-бы новую доселѣ неизвѣстную силу природы.

ГЛАВА IV

Бронзовая ваза. Стуки подъ тактъ музыки.

3-го января 1866 года я отправился изъ Шандернагора на дэнги (туземное гребное судно съ небольшою каютою), и двѣ недѣли спустя прибылъ въ священный городъ Бенаресь.

Меня сопровождали двое слугъ — туземцевъ, канзама*, или лакей, и меторъ, на которомъ лежала обязанность приготавливать пищу.

Экипажъ гребного судна состоялъ изъ серкара, или главного судовщика, и шести макуа, или гребцовъ изъ касты рыбаковъ.

Незадолго передъ заходомъ солнца мы причалили къ ступенямъ Гата, неподалеку отъ знаменитой пагоды Сивы.

Едва-ли я въ состояніи описать то зрѣлище, которое представилось моимъ глазамъ.

Немногіе изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ могутъ соперничать съ Бенаресомъ величіемъ своего вида.

Когда путешественникъ, поднимаясь по Гангу, приближается къ великому городу, то взоръ его невольно останавливается на высокихъ минаретахъ съ ихъ башнями, которыя господствуютъ надъ плотными массами дворцовъ и живописно разбросаны въ кажущемся безпорядкѣ по извилистымъ берегамъ рѣки на протяженіи около двухъ миль.

Невозможно оставаться равнодушнымъ при видѣ великолѣпной панорамы, которую представляютъ всѣ эти храмы, башни, длинныя аркады, поддерживаемыя колоннами, высокія набережныя и террасы съ ихъ балюстрадами, которые, рельефно обрисовываясь, сливаются съ роскошною листвою баобабовъ, тамариндовъ и банановъ. Мѣстами они покрыты свѣсившимися гирляндами яркихъ цвѣтовъ и виднѣются между строеніями, украшенными скульптурою, величественно возвышаясь надъ цвѣтущими садами, расположенными среди обширныхъ дворовъ.

Отсутствіе правильнаго плана, разнообразная архитектура, смѣсь стиля суроваго и торжественнаго съ игривымъ и фантастичнымъ придаютъ причудливый видъ нѣкоторымъ мѣстамъ картины, но въ общемъ она производитъ поразительное впечатлѣніе, и большая часть деталей до того изящна, что не выдавъ ихъ, трудно представить себѣ что-либо подобное.

Гаты, о которыхъ я только-что упомянулъ, есть родъ памятниковъ, состоящихъ изъ четырехъ колоннъ, соединенныхъ между собою только карнизомъ; они построены на вершинѣ гигантскихъ лѣстницъ, послѣдняя ступень которыхъ погружается въ воды Ганга. Эти ступени и служатъ единственными пристанями древней резиденціи первоначальной династіи владѣтельныхъ индійскихъ князей въ Касси. Съ восхода до захода солнца онѣ бываютъ покрыты индусскими или китайскими работниками, которые нагружаютъ и выгружаютъ мелкія суда, снующія въ различныхъ направленіяхъ по священной рѣкѣ и доставляющія на

* Канзама" на индустанскомъ нарѣчій то-же самое, что "добаши" на тамульскомъ

этотъ рынокъ Бенгальской возвышенности всевозможные товары Индіи и Азіи.

Когда я приказалъ судовщику пристать къ гату храма Сивы, меня поразило слѣдующее обстоятельство: индусы и мусульмане, которыхъ раздѣляетъ вѣковая вражда, въ особенности на югѣ Индіи, гдѣ послѣдніе составляютъ самое незначительное меньшинство населенія, здѣсь, на ступеняхъ гатовъ Бенареса, совершали всѣ вмѣстѣ свое обычное омовеніе.

Хотя послѣдователи пророка Магомета всегда возставали съ мечомъ и огнемъ противъ всего, что считалось ими идолопоклонствомъ, но до царствованія Ауренгзеба они щадили этотъ священный городъ побѣжденныхъ, внушавшій имъ таинственный страхъ.

По мнѣнію браминовъ, Бенаресъ былъ построенъ Сивою, чтобы служить убожищемъ для праведниковъ, когда зло и горе овладѣютъ вселенною, и только городъ этотъ не подвергнется никакимъ превратностямъ, которымъ подлежитъ все въ мірѣ.

Чтобы уничтожить подобное убожденіе, султанъ Ауренгзебъ повелѣлъ разрушить одну изъ древнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ пагодъ, и на мѣстѣ ея воздвигъ великолѣпную мечеть, которая и понынѣ носитъ его имя. Тонкіе шпицы, покрытые пластинками золота, уже издали указываютъ путникамъ на присутствіе города, который долгое время еще остается недоступнымъ ихъ взорамъ. Въ настоящее время множество мусульманскихъ храмовъ возвышается на ряду съ индусскими пагодами, и брамины, плохо скрывая свое отвращеніе и не имѣя возможности воспрепятствовать, принуждены безучастно относиться къ пролитію крови животныхъ при жертвоприношеніяхъ, или для употребленія ихъ въ пищу, въ священномъ городѣ, который до нашествія Монголъ никогда не осквернялся лишеніемъ чьей-либо жизни.

Несмотря на варварство, съ которымъ были разрушены нѣкоторые изъ великолѣпнѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ Индіи, и хотя въ другихъ областяхъ, покоренныхъ мусульманами, послѣдніе ни передъ чѣмъ не останавливались, чтобы обратить индусовъ въ магометанство, въ Бенаресѣ монгольскіе властелины всегда относились съ самою широкою терпимостью къ вѣрованію, нравамъ и обычаямъ покореннаго ими народа. Вотъ вѣроятно причина, почему отношенія между обоими народами въ этой части Бенгаліи установились несравненно болѣе дружелюбныя, чѣмъ въ остальныхъ... Я однако ни за что передъ тѣмъ не повѣрилъ-бы, чтобы мусульмане и индусы когда-либо согласились въ одномъ и томъ-же мѣстѣ совершать свои религіозныя омовенія.

Если-бы на югѣ Индіи мусульманинъ сталъ омываться въ священномъ пруду одной изъ пагодъ, то онъ былъ-бы убитъ на мѣстѣ.

Я пріѣхалъ въ Бенаресъ съ намѣреніемъ пробыть въ немъ мѣсяца два, что вовсе не было особенно продолжительно для изученія древностей края, чѣмъ я исключительно намѣревался заняться; но тотъ-же промежутокъ времени былъ слишкомъ

значителенъ, чтобы останавливаться въ гостинницѣ, или на постояломъ дворѣ, а потому я рѣшился нанять для себя отдѣльный домикъ. Вообще на востокѣ имѣть свое собственное помѣщеніе составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій жизни.

Я хотѣлъ было отправить своего слугу на поиски, какъ, удалившійся въ Бенаресъ, маратскій князь Пейшва, съ которымъ я раньше познакомился у шандернагорскаго раджи, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, послалъ предложить мнѣ помѣщеніе въ своемъ великолѣпномъ семи-этажномъ дворцѣ, расположенномъ на берегу Ганга, по лѣвую сторону знаменитой ауренгзебской мечети.

Нерѣдко бываетъ, что князья и раджи Индустана, хотя и проживающіе въ весьма отдаленныхъ мѣстахъ отъ Бенареса, воздвигаютъ себѣ въ этомъ городѣ дворцы, которые служатъ имъ мѣстомъ пребыванія во время ихъ семейныхъ празднествъ. На старости лѣтъ, вдали отъ суеты міра сего, они доживаютъ дни свои по закону Ману въ строгомъ постѣ и покаяніи.

На основаніи религіознаго вѣрованія, умирающіе въ этомъ священномъ городѣ болѣе не перевоплощаются, и душа ихъ немедленно возносится въ мѣстопробываніе Браммы, и сливается съ великою и единою душою.

Со всѣхъ концовъ Индіи ежедневно стекается къ берегамъ священной рѣки множество пилигримовъ для поминовенія покойниковъ на девятый день смерти. Они являются лично за себя, или-же нанимаются съ этою цѣлью богатыми туземцами. Существуетъ всеобщее убѣжденіе, что воды Ганга нигдѣ не столь благотворны, какъ у подножія священнаго города.

Случается, что нѣкоторые изъ пилигримовъ приносятъ съ собою въ небольшихъ мѣшечкахъ кости, оставшіяся послѣ сожженія труповъ раджъ, или другихъ высокопоставленныхъ лицъ (родственники которыхъ въ состояніи заплатить путевыя издержки), съ единственною цѣлью бросить эти останки въ священные воды рѣки. Самая завѣтная мечта каждаго индуса — умереть на берегахъ Ганга, или-же по крайней мѣрѣ, чтобы останки его были перенесены туда.

Я обязанъ именно послѣднему повѣрію тѣмъ, что во время своего пребыванія въ Бенаресѣ, имѣлъ случай видѣть, быть можетъ, самаго замѣчательнаго изъ числа всѣхъ факировъ, съ которыми вообще мнѣ приходилось встрѣчаться въ Индіи. Онъ явился пѣшкомъ изъ Травандерама, близъ мыса Коморина, на южной оконечности Индустана, и имѣлъ порученіе перенести останки богатаго малабарца изъ касты торговцевъ. Пейшва, родомъ изъ южной области Индіи, имѣлъ обыкновеніе въ службахъ своего дворца давать пристанище пилигримамъ изъ Травенкора, Майсура, Танджаора и древней страны Маратовъ и приказалъ помѣстить индуса въ небольшой избушкѣ, находившейся на самомъ берегу рѣки, гдѣ факиръ долженъ былъ по утрамъ и вечерамъ въ продолженіе двадцати одного дня совершать въ память умершаго священные омовенія. Въ Бенаресѣ онъ уже находился дней пятнадцать, когда только я узналъ о его пребываніи, Его звали Ковиндасами.

Заручившись согласіемъ факира, однажды около двѣнадцати часовъ, въ то именно время, когда всѣ живущіе во дворцѣ, во избѣжаніе невыносимой жары, предавались полуденному отдыху, я послалъ за нимъ и приказалъ провести его въ занимаемое мною помѣщеніе.

Комната, въ которой я принялъ его, выходила на наружную террасу, съ которой открывался великолѣпный видъ на Гангъ. Она была защищена отъ солнечныхъ лучей подвижнымъ навѣсомъ, сплетеннымъ изъ волоконъ какого-то туземнаго растенія. Посреди террасы билъ фонтанъ, струя котораго, падая обратно въ небольшую мраморную вазу, распространяла вокругъ себя вмѣстѣ съ мелкими, какъ пыль, брызгами замѣчательно пріятную прохладу.

Я спросилъ факира, не предпочтетъ-ли онъ одно какое-либо мѣсто другому, или ему безразлично.

— Выбирай по своему желанію, было его отвѣтомъ.

Я предложилъ ему выйти на террасу, которая была болѣе освѣщена, чѣмъ комната, что могло значительно облегчить контроль.

Когда онъ усѣлся на полу, я спросилъ его:

— Позволь мнѣ предложить тебѣ вопросъ?

— Я слушаю тебя.

— Не можешь-ли ты мнѣ сказать, развивается-ли въ тебѣ какая-нибудь сила, когда ты производишь явленія? Не приходилось-ли тебѣ когда-нибудь чувствовать особенное ощущеніе въ мозгу, или въ мускулахъ?

— Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не естественная сила; я только орудіе.

— Развѣ не по своему желанію ты производишь явленія?

— Я вызываю души предковъ, онѣ-же проявляютъ свое могущество.

Я спрашивалъ по этому поводу многихъ факировъ, и всѣ они отвѣчали мнѣ приблизительно одно и то-же; они считаютъ себя посредниками между существами невидимыми и матеріальнымъ міромъ. Удовольствившись еще разъ въ существованіи подобнаго убѣжденія, я болѣе не настаивалъ и предоставилъ Ковиндасами начать опыты. Онъ уже стоялъ съ протянутыми руками по направленію къ огромной бронзовой вазѣ, которая была совершенно наполнена водою. — Не прошло и пяти минутъ, какъ ваза на своемъ основаніи стала покачиваться со стороны въ сторону и безъ видимыхъ толчковъ незамѣтно приближалась къ очарователю; по мѣрѣ того, какъ разстояніе между ними уменьшалось, стали раздаваться металлическіе звуки, какъ будто кто ударялъ стальнымъ прутомъ по вазѣ. Былъ даже моментъ, когда удары настолько умножились и такъ часто слѣдовали одинъ за другимъ, что похожи были на шумъ, происходящій отъ сильнаго града, падающаго на желѣзную крышу.

Я попросилъ Ковиндасами дозволить мнѣ самому руководить явленіемъ, на что онъ тотчасъ-же согласился. Ваза, находясь подъ вліяніемъ очарователя, стала то приближаться, то

удаляться, или-же оставалась совершенно неподвижною, вполнѣ повинаясь моимъ требованіямъ. По первому моему предложенію стуки то переходили въ непрерывные перебаты, то напротивъ слѣдовали, подобно бою часовъ одинъ за другимъ съ совершенно правильными разстановками.

Я выразилъ желаніе, чтобы черезъ каждыя десять секундъ раздавалось только по одному удару; самъ-же сталъ внимательно слѣдить за движеніемъ секундной стрѣлки своего хронометра.

Десять отрывистыхъ и звучныхъ ударовъ равномерно раздались въ продолженіе ста секундъ.

На столѣ, въ залѣ моего помѣщенія, стоялъ музыкальный ящикъ. Индусы вообще большіе охотники до механическихъ органовъ, и вѣроятно Пейшва выписалъ его изъ Калькутты. Я приказалъ слугѣ принести этотъ ящикъ къ себѣ на террасу и выразилъ факиру желаніе, чтобы удары по бронзовой вазѣ акомпанировали и раздавались въ тактъ пьески, которую станетъ играть этотъ органчикъ.

Я завелъ по всѣмъ правиламъ пружину и, прижавъ рычагъ, пустилъ въ ходъ механизмъ, вовсе не заботясь о томъ, на какой именно пьесѣ стоялъ валъ. Въ ту-же минуту полились потокомъ частыя и звучныя ноты вальса Робэна, темпъ котораго былъ вѣроятно съ намѣреніемъ ускоренъ механикомъ.

Я сталъ прислушиваться по направленію къ вазѣ — и услышалъ учащенные и отрывистые стуки, которые съ педантическою точностію палочки заслуженнаго дирижера ударяли въ тактъ веселаго вальса. Едва оканчивалась одна пьеса, какъ я снова прижималъ рычагъ, и игра не прекращалась. При исполненіи марша изъ „Пророка“ удары слѣдовали медленнѣе и съ замѣчательною правильностію согласовались съ его темпомъ.

Все это производилось открыто, безъ всякихъ аппаратовъ, безъ таинственности и торжественныхъ пріемовъ, на обыкновенной террасѣ въ нѣсколько квадратныхъ метровъ величины. Ваза, приведенная таинственною силою въ движеніе, едва могла быть сдвинута двумя человѣками съ мѣста, даже совершенно пустая. Съ широкимъ водовмѣстилищемъ, на подобіе чаши и поставленная такимъ образомъ, что струя фонтана обратно въ нее падала, она служила для утреннихъ омовеній, которыя въ Индіи вполнѣ могутъ замѣнить настоящее купанье.

Что-же это была за сила, приводившая эту тяжелую массу въ движеніе?

Я снова попросилъ факира повторить всѣ эти опыты, и они были произведены имъ по прежнему въ томъ-же порядкѣ и съ одинаковою точностію.

Затѣмъ факиръ, не покидавшій своего мѣста и не измѣнявшій, въ продолженіи всего времени, первоначальнаго своего положенія, приподнялся и положилъ концы пальцевъ на край вазы, которая по прошествіи нѣсколькихъ секундъ начала мѣрно качаться изъ стороны въ сторону, при чемъ скорость движенія постепенно усиливалась. Основаніе-же вазы, которое также вмѣстѣ

съ нею качалось, не производило ни малѣйшаго шума о гипсовыя плиты террасын.

Особенно поразило меня то обстоятельство, что вода въ сосудѣ оставалась неподвижною. Казалось будто-бы она находилась подѣ вліяніемъ сильнаго давленія, которое удерживало поверхность ея въ неестественномъ наклонномъ вслѣдствіе качанія положеніи, и которое какъ-бы препятствовало возстановленію нарушеннаго закона равновѣсія.

Во время этого явленія ваза три раза поднималась на семь или восемь дюймовъ отъ пола и безъ замѣтнаго толчка опускалась обратно.

Я находился нѣсколько часовъ подѣ вліяніемъ какого-то очарованія. Внимательно наблюдая, я записывалъ, отмѣчалъ и заставлялъ повторять каждое явленіе, причемъ по возможности измѣнялъ характеръ своихъ требованій. Солнце клонилось уже къ горизонту и напомнило мнѣ, что наступаетъ часъ, въ который я обыкновенно предпринималъ экскурсіи къ стариннымъ памятникамъ и развалинамъ древняго Касси, оставшагося центромъ религіознаго могущества браминовъ, когда послѣ борьбы ихъ съ раджами они повсюду лишились свѣтской власти. Факирь-же долженъ былъ идти въ храмъ Сивы, чтобы обычными молитвами готовиться къ вечернему омовенію и похороннымъ обрядамъ въ память умершаго, которые онъ каждый вечеръ обязанъ былъ совершать на берегахъ священной рѣки. Передъ своимъ уходомъ, факирь обѣщалъ мнѣ являться ежедневно въ тѣ-же часы, въ продолженіи всего времени, которое ему оставалось еще пробыть въ Бенаресѣ.

Бѣдняга былъ вполне счастливъ, что имѣлъ возможность видѣться со мною: я прожилъ нѣсколько лѣтъ на югѣ Индіи и совершенно свободно объяснялся на нѣжномъ и пѣвучемъ нарѣчіи области Дравиды*, котораго никто въ Бенаресѣ не понималъ. Факирь находилъ во мнѣ собесѣдника, съ которымъ онъ могъ говорить объ этомъ чудесномъ краѣ, изобилующемъ древними развалинами, о старинныхъ пагодахъ среди роскошнѣйшей зелени и о надписяхъ, которыя были вырѣзаны рѣзцомъ на пальмовыхъ листьяхъ за нѣсколько столѣтій до того времени, когда море покинуло солончаковыя Иранскія и Халдейскія пустыни, и когда наносный иль рѣки Нила не соединялъ еще Нижняго Египта съ равнинами Мемфиса и Өивъ.

*Тамульское нарѣчіе.

Фонтанъ. — Магіческій карандашъ.

Ковиндасами оказался весьма аккуратнымъ. Солнце изливало на воды Ганга необычайное изобиліе свѣта, и я совсѣмъ было замечтался, любуясь этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, когда факиръ, приподнявъ занавѣсъ, закрывавшій входную дверь веранды, вошелъ и, приблизившись ко мнѣ, присѣлъ по индусскому обычаю на корточки.

— Саламъ дере (здравствуй, господинъ), обратился онъ ко мнѣ на своемъ родномъ нарѣчій.

— Саламъ тамби (здравствуй, товарищъ), отвѣчалъ я ему на томъ-же языкѣ. Можетъ-ли рисъ Бенгаліи сравниться съ рисомъ Танджаора?

— Рисъ, которымъ угощаютъ меня во дворцѣ у Пейшвы въ Бенаресѣ, не стѣитъ дикихъ кореньевъ, собираемыхъ мною кругомъ избушки моей въ Тривандерамѣ.

— Чего-же тебѣ не достаетъ здѣсь? Развѣ зерна карри* на берегахъ Ганга не такъ-же чисты, какъ на Малабарскомъ?

— Слушай! Здѣсь не растетъ кокосовое дерево, потому что вода священной рѣки не можетъ замѣнить морскаго воздуха. Я — человѣкъ, выросшій на берегу моря, а оно — дерево, выросшее на берегу моря, и мы оба умираемъ, если насъ удаляютъ отъ океана.

Во время этого разговора теплый, какъ паръ, слабый южный вѣтерокъ легкими порывами пронесся надъ заснувшимъ въ жарѣ городомъ. Глаза факира оживились.

— Это вѣтеръ съ моей родины! сказалъ онъ. Развѣ ты не чувствуешь? Съ этимъ благовоніемъ связаны дорогія воспоминанія.

Онъ долго оставался сосредоточеннымъ, и вѣроятно мечталъ о тѣнистыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ Малабарскаго берега, гдѣ протекло его дѣтство, о таинственныхъ подземельяхъ Тривандерамской пагоды, гдѣ брамины посвящали его въ тайны вызыванія духовъ.

Вдругъ онъ приподнялся и, подойдя къ бронзовой вазѣ, надъ которою онъ наканунѣ проявлялъ свою силу, и которая была по край наполнена водою, приблизилъ руки свои къ поверхности воды и, не прикасаясь къ ней, остался въ такомъ положеніи совершенно неподвижнымъ.

Я подошелъ къ нему, вовсе не подозрѣвая, какія онъ намѣревался произвести явленія.

Мнѣ неизвѣстно, вслѣдствіе того-ли, что сила его въ этотъ день съ трудомъ проявлялась, или по другой причинѣ, но въ продолженіи цѣлаго часа не было замѣтно ни въ водѣ, ни въ вазѣ какого-либо вліянія на нихъ со стороны факира.

Я сталъ уже отчаяваться и потерялъ надежду достигнуть удовлетворительнаго результата, какъ вдругъ замѣтилъ, что вода начала слегка волноваться, какъ будто легкое дуновеніе вѣтра

*Родъ проса.

подняло зыбь на ея поверхности. Я положилъ руки на край вазы и получилъ слабое ощущеніе прохлады, происходившей, какъ мнѣ казалось, отъ той-же причины. Затѣмъ я взялъ лепестокъ отъ розы и кинулъ его въ воду: въ короткое время онъ былъ прибитъ къ противоположному краю вазы.

Факиръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія; ротъ его былъ закрытъ, и что особенно казалось поразительнымъ и не допускало мысли о возможности обмана, это было то, что мелкая зыбь на водѣ образовывалась съ противоположной стороны отъ факира и, направляясь къ нему, ударялась въ стѣнки вазы.

Мало-по-малу волненіе во всемъ сосудѣ усиливалось; вскорѣ вся вода заклокотала, какъ будто, подвергаясь дѣйствію огня, она была доведена до состоянія сильнаго кипѣнія; по прошествіи нѣкотораго времени она поднялась выше рукъ факира и водяные столбы стали достигать высоты отъ одного до двухъ футъ надъ поверхностью.

Я попросилъ Ковиндасами убрать руки: волненіе, не прекращаясь сразу, стало мало-по-малу ослабѣвать подобно тому, какъ это происходитъ при удаленіи огня изъ-подъ кипящей жидкости. И напротивъ, каждый разъ, когда факиръ снова приближалъ свои руки къ водѣ, волненіе въ вазѣ усиливалось.

Остальная часть сеанса оказалась еще болѣе поразительною. Индусъ попросилъ у меня небольшую палочку; я вручилъ ему деревянный карандашъ, который еще не былъ очиненъ. Онъ опустилъ его на поверхность воды, и сталъ надъ нимъ держать свои руки. Черезъ нѣсколько минутъ карандашъ началъ вертѣться во всѣхъ направленіяхъ подобно магнитной стрѣлкѣ въ компасѣ, къ которой приближаютъ желѣзный предметъ.

Затѣмъ Ковиндасами приложилъ къ срединѣ карандаша свой указательный палецъ, но настолько осторожно, что положеніе карандаша на поверхности воды при этомъ нисколько не измѣнилось; по прошествіи нѣсколькихъ секундъ я увидѣлъ, какъ этотъ легкій деревянный карандашъ медленно сталъ погружаться въ воду, и вскорѣ достигъ дна вазы.

Не касаясь вопроса о ловкости и шарлатанствѣ, присутствія которыхъ въ этомъ случаѣ я не въ состояніи ни отрицать, ни утверждать, замѣчу, что я вынесъ убѣжденіе, что при условіяхъ, при которыхъ производилось описанное явленіе, было-бы невозможно не подмѣтить даже малѣйшаго обмана. Я полагалъ, что факиръ, насыщая означенный деревянный предметъ магнетическимъ токомъ (флюидомъ), тѣмъ самымъ, пожалуй, увеличивалъ его удѣльный вѣсъ и, такимъ образомъ, дерево становилось тяжелѣе воды.

Не допуская при каждомъ подобномъ опытѣ дѣйствія духовъ, я задавалъ себѣ вопросъ, не дѣйствуютъ-ли въ данномъ случаѣ какія-либо неизвѣстныя намъ силы природы?

Не вдаваясь въ объясненія, я подтверждаю только факты...

ГЛАВА VI

Поднятіе на воздухъ. Стуки во время ночи.

Третье посѣщеніе факира было очень непродолжительно, такъ какъ онъ долженъ былъ по случаю религіознаго празднества всю ночь провести на берегу священной рѣки въ молитвахъ и затѣмъ на слѣдующій день послѣдовать приглашенію на погребальную процессію.

Онъ зашелъ лишь предупредить меня объ этомъ и собирался вернуться въ хижину, которую Пейшва предоставилъ въ его распоряженіе; но я остановилъ его и попросилъ произвести одно только явленіе поднятія, на что онъ охотно согласился. Не разъ уже приходилось мнѣ видѣть подобнаго рода явленія, производившіяся другими факирами, но я никогда не могъ объяснить себѣ способъ, къ которому они при этомъ прибѣгали.

Взявъ палку изъ желѣзнаго дерева, которую я привезъ съ острова Цейлона, онъ положилъ правую руку на набалдашникъ ея и, устремивъ глаза въ землю, сталъ произносить магическія заклинанія, которыхъ онъ въ предыдущіе дни не употреблялъ.

Судя по этимъ пріемамъ, я полагалъ, что мнѣ предстоитъ быть лишній разъ свидѣтелемъ явленія, на которое я всегда смотрѣлъ, какъ на простой фокусъ эквилибристики.

Мой умъ, дѣйствительно, отказывается подыскать другого названія слѣдующему явленію.

Опираясь одною только рукою на палку, съ скрещенными по восточному обычаю ногами, факиръ постепенно поднялся фута на два отъ пола и остался неподвиженъ въ позѣ, весьма напоминавшей бронзовыя изображенія Буды, которыя всѣ путешественники привозятъ съ собою съ крайняго Востока, вовсе не подозревая, что большая часть этихъ статуэтокъ выходятъ въ настоящее время изъ литейныхъ мастерскихъ Лондона.

Впродолженіи болѣе двадцати минутъ я старался объяснить себѣ, какимъ образомъ Ковиндасами могъ такъ наглядно нарушить всѣ донынѣ извѣстные законы равновѣсія, но при всемъ стараніи я не могъ постигнуть этого. Ничто, повидимому, не поддерживало его и не соединяло съ палкою, къ которой онъ прикасался одною только ладонью правой руки.

Послѣ этого опыта я отпустилъ факира. Уходя, онъ заявилъ мнѣ, что въ то время, когда священные слоны въ пагодѣ Сивы ударятъ въ мѣдные гонгъ-гонги полночь, онъ вызоветъ добрыхъ духовъ, покровительствующихъ французамъ, и что эти духи явятся въ мою спальню и проявятъ въ ней свое присутствіе.

Индусы отлично понимаютъ другъ друга, а потому, во избѣжаніе всякаго обмана, я отправилъ обоихъ слугъ своихъ провести вмѣстѣ съ судовщикомъ и гребцами ночь на дэнги. Я мало былъ склоненъ вѣрить въ сверхъ-естественное, но несмотря на это, въ случаѣ что-либо подобное въ дѣйствительности произошло-бы, я не желалъ подвергнуться слишкомъ грубому обману, а потому и измышлялъ различныя предосторожности, чтобы по возможности затруднить факиру производство обѣщаннаго явленія.

Дворецъ Пейшвы былъ построенъ весьма оригинально. Окна выходили только на сторону Ганга; все зданіе состояло изъ семи большихъ помѣщеній, построенныхъ одно надъ другимъ, и всѣ комнаты каждаго изъ нихъ имѣли выходъ на крытыя галлерей и террасы, выступавшія на набережную.

Сообщеніе между этажами было устроено весьма своеобразно: единственная площадка вела изъ нижняго этажа во второй, въ концѣ котораго была лѣстница, которая вела въ слѣдующій затѣмъ этажъ, причемъ однако не сообщалась съ первымъ. Такимъ образомъ расположены были ходы до седьмого этажа, въ который можно было подняться съ помощью подъемной лѣстницы, которая въ случаѣ надобности могла быть поднята на цѣпяхъ, какъ обыкновенный подъемный мостъ.

Седьмой этажъ былъ убранъ частью въ восточномъ, частью въ европейскомъ вкусѣ; въ немъ можно было вполнѣ наслаждаться самымъ чистымъ и свѣжимъ воздухомъ и великолѣпнѣйшимъ видомъ. Гостепріимный Пейшва предоставлялъ его въ пользованіе иностраннымъ путешественникамъ.

При наступленіи ночи, я тщательно осмотрѣлъ во всемъ этомъ помѣщеніи каждую комнату отдѣльно и убѣдившись, что никто въ нихъ не скрывается, я поднялъ подъемную лѣстницу и прервалъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ седьмымъ этажемъ.

Въ назначенный факиромъ часъ, мнѣ послышались два отчетливые удара какъ-бы о стѣну моей комнаты.

Немедленно-же я отправился къ тому мѣсту, откуда послышались эти удары, но снова раздавшійся отрывистый стукъ, какъ мнѣ казалось, по направленіи отъ стекляннаго колпака, предохранявшаго висячую лампу отъ мухъ и ночныхъ бабочекъ, заставилъ меня остановиться. Затѣмъ въ разные промежутки времени послышалось еще нѣсколько стуковъ въ кедровыхъ балкахъ и на потолокъ, и затѣмъ все совершенно затихло. Я вошелъ на террасу и прошелся до самаго конца ея.

На дворѣ стояла одна изъ тѣхъ чудныхъ серебристыхъ ночей, о подобныхъ которымъ въ нашихъ пасмурныхъ странахъ не имѣютъ никакого понятія. У подножія заснувшаго Бенареса тихо и плавно катились громадныя массы водъ священной рѣки. На одной изъ ступеней Гата чернѣлся профиль человѣческой фигуры; это былъ тривандерамскій факиръ, который молился за упокой умершихъ.

ГЛАВА VII.

**Бамбуковый табуретъ. — Цвѣточная ваза въ
воздухъ. — Тайнственный панкахъ.**

Я провелъ часть ночи въ размышленіи, но не могъ разрѣшить этой загадки. Во время моего пребыванія въ Индіи, мнѣ не разъ приходилось видѣть подобныя и многія другія не менѣ чудесныя явленія. Удостоверяя необыкновенную способность тривандерамскаго факира, какъ и дѣйствительность описанныхъ явленій, я однако не нахожу во всемъ этомъ подтвержденія индуcской теоріи вызыванія душъ умершихъ предковъ. Я могу только засвидѣтельствовать, какъ о непреложнѣйшей истинѣ, что способы, употребляемые очарователями, никому, кромѣ нихъ во всемъ Индостанѣ неизвѣстны.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ факира, такъ какъ давно уже намѣревался продолжать изученіе древней доктрины питрисовъ (духовъ) и изложенныхъ въ ней физическихъ проявленій, тѣсно связанныхъ съ религіозными вѣрованіями индуcовъ.

Обязательность и искусство факира-очарователя **Ковиндасами** доставляли мнѣ исключительный случай послѣдовательно видѣть всѣ эти непонятныя явленія, которыми занимались древнія религіозныя касты и которыя я самъ прежде видѣлъ по крайней мѣрѣ разъ сто.

Большую часть дня я употребилъ на посѣщеніе храмовъ и мечетей Бенареса, и возвратился во дворецъ только къ заходу солнца.

Настала уже ночь, когда факиръ безъ всякаго шума вошелъ на террасу, гдѣ я поджидалъ его. Всѣ лица принадлежація къ кастѣ браминовъ, пользуются исключительнымъ правомъ во всякое время входить безъ доклада къ самымъ высокопоставленнымъ индусамъ. Хотя относительно европейцевъ они обыкновенно и не пользуются этимъ правомъ, но съ перваго-же дня нашего знакомства, я предоставилъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу. Зная кромѣ того его родной языкъ, я сразу пріобрѣлъ его расположеніе.

Увидя его, я обратился къ нему со словами:

— Стуки, о которыхъ ты говорилъ, дѣйствительно были слышны. Ты обладаешь удивительнымъ искусствомъ.

Онъ отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ:

— Факиръ — ничто; онъ только произноситъ молитвы, а духи исполняютъ его желаніе. Это были души предковъ французовъ, которыя посѣтили тебя.

— Такъ ты имѣешь власть и надъ чужеземными духами?

— Никто не можетъ повелѣвать духами.

— Я не точно выразился: возможно-ли; чтобы духи французовъ благосклонно выслушивали просьбу индуса? они вѣдь не изъ твоей касты.

— Въ высшихъ мірахъ не существуетъ ни какихъ кастъ.

— Значить, сегодня ночью являлись ко мнѣ мои предки.

— Ты угадалъ.

Разубѣдить его было невозможно. Каждый разъ, когда я возобновлялъ разговоръ объ этомъ, я внимательно наблюдалъ за выраженіемъ его лица и старался уловить въ его взглядѣ улыбку, насмѣшку или тѣнь сомнѣнія, но лицо его все время оставалось непроницаемымъ и неподвижнымъ. Факиръ казался вполне убѣжденнымъ. Послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ, не ожидая моего приглашенія, онъ принялся продолжать свои опыты. Взявъ, находившуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, маленькую бамбуковую скамейку, онъ усѣлся на ней, скрестивъ по мусульманскому обычаю ноги и сложивъ на груди руки. Я приказалъ слугѣ освѣтить террасу лампами и сосредоточилъ свое вниманіе, чтобы ничего не упустить изъ виду.

Какъ и прежде, я не стану упоминать о всѣхъ приготовленіяхъ и умолчу о личныхъ своихъ впечатлѣніяхъ, а буду строго придерживаться въ этомъ отношеніи одной только фактической стороны.

По прошествіи нѣсколькихъ секундъ, въ продолженіи которыхъ факиръ, казалось, сосредоточивалъ свою волю, бамбуковый табуретъ, на которомъ онъ сидѣлъ, началъ безъ всякаго шума, какъ-бы вслѣдствіе легкихъ толчковъ, скользить по полу. Съ каждымъ такимъ толчкомъ онъ подвигался приблизительно на десять сантиметровъ впередъ.

Въ это время я внимательно слѣдилъ за факиромъ, сидѣвшимъ неподвижно какъ статуя.

Терраса была величиною въ семь квадратныхъ метровъ; табурету потребовалось около десяти минутъ для того, чтобы очутиться на противоположномъ концѣ ея. Достигнувъ его, табуретъ совершенно такимъ-же образомъ началъ свое обратное движеніе, и остановился только тогда, когда очутился на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Три раза сряду я предлагалъ факиру повторять этотъ опытъ, и каждый разъ онъ совершался имъ при тѣхъ-же условіяхъ съ одинаковымъ успѣхомъ.

Я долженъ напомнить читателю, что ноги факира находились отъ пола на высотѣ табурета, такъ какъ онъ сидѣлъ на немъ, скрестивъ ихъ подъ собою.

Въ теченіи всего этого дня, жара стояла нестерпимая. Свѣжій ночной вѣтерокъ, который въ этой мѣстности постоянно дуетъ съ Гималайскихъ горъ и освѣжаетъ воспаленныя легкія всего дышащаго міра, еще не появлялся, а потому слуга мой раскачивалъ изо всей силы надъ нашими головами, съ помощью кокосовой веревки, огромный панкахъ, который былъ привѣшенъ къ одному изъ среднихъ желѣзныхъ прутьевъ террасы, поддерживавшихъ въ горизонтальномъ положеніи занавѣски и цыновки, которыя такимъ образомъ обращали это помѣщеніе въ настоящую комнату.

Панкахомъ туземцы называютъ родъ подвижного вѣера, который имѣетъ форму параллелограмма и привѣшивается обоими углами своими къ потолку комнаты. Онъ раскачивается нарочно приставленнымъ для этого слугою. Подобный вѣеръ производитъ хотя искусственную, но въ высшей степени пріятную прохладу.

Факирь воспользовался панкахомъ, чтобы произвести второе явленіе.

Онъ взялъ изъ рукъ метора кокосовую веревку, приложилъ ее ко лбу, и придерживая обѣими руками усѣлся въ такомъ положеніи прямо подъ панкахомъ. Вскорѣ затѣмъ вѣеръ началъ, безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны факира, медленно колыхаться надъ нашими головами. Ускоряя мало-по-малу свое движеніе, онъ сталъ, наконецъ, раскачиваться со всего размаха, какъ будто какая-то невидимая рука приводила его съ значительною силою въ движеніе. Когда-же факирь выпустилъ изъ своихъ рукъ веревку, панкахъ продолжалъ еще качаться, но теряя постепенно силу, вскорѣ остановился. Повторяя по нѣскольку разъ оба описанныя явленія, мы не замѣтили, какъ время зашло далеко за полночь; но факирь, чувствуя себя въ этотъ день особенно расположеннымъ и въ силѣ, передъ уходомъ пожелалъ дать мнѣ еще одно доказательство своей удивительной способности.

На противоположномъ концѣ террасы, стояли тритяжелыя вазы для цвѣтовъ. Чтобы поднять ихъ потребовалось-бы большого усилія, даже для человѣка обладающаго значительною силою.

Факирь приблизился къ одной изъ этихъ трехъ вазъ и положилъ свои руки на край ея, слегка только прикасаясь къ нему концами своихъ пальцевъ. Не сдѣлавъ повидимому никакого усилія, онъ сообщилъ вазѣ движеніе. Она начала на своемъ основаніи равномерно покачиваться со стороны въ сторону, подобно часовому маятнику. Вскорѣ послѣ того мнѣ показалось, что ваза стала отъ пола отдѣляться. Затѣмъ я ясно увидѣлъ, какъ она, не измѣняя своего прежняго движенія, поднялась въ воздухъ и стала носиться въ немъ по указываемому факиромъ направленію.

Коснувшись послѣдняго опыта, я долженъ предупредить читателя, что я постоянно относился къ подобнымъ явленіямъ съ большимъ сомнѣніемъ и недовѣріемъ и объяснялъ ихъ иллюзіей или обманомъ чувствъ.

Прибавлю еще, что вообще ко всѣмъ подобнаго рода явленіямъ я никогда не относился съ большимъ довѣріемъ, въ особенности-же къ послѣднему, хотя мнѣ неоднократно пріходилось присутствовать при производствѣ его среди бѣла дня; каждый разъ оно казалось мнѣ столь страннымъ и непонятнымъ, что я считалъ его не болѣе, какъ весьма ловкимъ и чрезвычайно остроумнымъ фокусомъ.

ГЛАВА VІІІ.

**Столикъ, прикрѣпленный къ полу. — Градь
стуковъ. — Маленькая мельница. — Полетъ
перьевъ. — Гармонифлютъ.**

Ковиндасами оставалось пробывать въ Бенаресѣ всѣго только три дня. Я рѣшился посвятить послѣдній сеансъ съ нимъ исключительно опытамъ надъ магнетизмомъ и сомнамбулизмомъ. Когда я сообщилъ ему о своемъ намѣреніи, онъ, казалось мнѣ, удивился, услышавъ эти незнакомыя ему названія, которыя я кое-какъ перевелъ на тамульское нарѣчіе. Когда-же я объяснялъ ему смыслъ, придаваемый имъ въ Европѣ, онъ улыбнулся и, по обыкновенію, отвѣтилъ мнѣ, что эти явленія, какъ и всѣ предыдущія, производятся питрисами, или духами.

Какія-либо разсужденія съ нимъ по этому поводу были совершенно невозможны, а потому, не заботясь нисколько о религіозныхъ убѣжденіяхъ его и о причинѣ, которой онъ приписывалъ свою способность, я ограничился тѣмъ, что попросилъ его произвести подобнаго рода опыты.

— Франгуисъ говоритъ факиру языкомъ его родины, отвѣтилъ онъ мнѣ, — факиръ ни въ чемъ не можетъ отказать ему.

Удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, я тотчасъ-же обратился къ нему съ новою просьбою:

— Не можешь-ли ты, спросилъ я его, — позволить мнѣ самому сегодня назначить по выбору моему явленія?

Вслѣдствіе особенныхъ условій, при которыхъ производились предыдущіе опыты, мнѣ казалось маловѣроятнымъ, чтобы факиръ могъ заранѣе приготовить ихъ, условившись предварительно съ моими слугами; но несмотря на то, я хотѣлъ вполнѣ удостовѣриться, въ состояніи-ли будетъ Ковиндасами производить явленія, предугадать которыя онъ заранѣе и непосредственно предъ тѣмъ не могъ.

— Я буду дѣлать все, что ты пожелаешь, — просто отвѣтилъ мнѣ индусъ.

Настоящее мое намѣреніе, какъ и предыдущія, постигла одинаковая участь. Невѣроятное любопытство заставило меня продолжать опыты надъ спиритическою силою, которые и поглотили собою все время сеанса и лишили меня возможности изучить магнетическую силу Ковиндасами.

Нерѣдко мнѣ приходилось видѣть, какъ очарователи какъ-бы прикрѣпляли къ полу нѣкоторые предметы. Согласно объясненію одного англійскаго маіора, занимавшагося настоящимъ вопросомъ, они достигаютъ этого, насыщая предметъ флюидомъ, который увеличиваетъ его нормальный вѣсъ, или-же пользуясь другимъ какимъ-либо неизвѣстнымъ способомъ.

Я пожелалъ возобновить подобнаго рода опыты; взявъ небольшой деревянный столикъ, который легко могъ быть приподнять двумя пальцами, я поставилъ его посреди террасы и спросилъ факира, можетъ-ли онъ прикрѣпить этотъ столикъ къ

мѣсту, на которомъ онъ находится такъ, чтобы нельзя было приподнять его.

Малабарець тотчасъ-же подошелъ къ столику, положилъ обѣ руки на поверхность его и простоялъ въ такомъ положеніи около четверти часа; по прошествіи этого времени онъ, улыбнувшись, проговорилъ:

— Духи явились и теперь никто не будетъ въ состояніи, противъ ихъ воли, сдвинуть столъ съ мѣста.

Съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ подошелъ я къ столику, и взявшись за него руками, сдѣлалъ движеніе, чтобы приподнять его, но онъ остался неподвиженъ, какъ будто былъ вдѣланъ въ гипсовый полъ веранды. Я сдѣлалъ еще усиліе, и въ рукахъ у меня осталась верхняя доска непрочнаго столика.

Затѣмъ я ухватился за оставшіяся на мѣстѣ ножки, которыя были крестообразно соединены между собою поперечными перекладинами, но и тутъ попытка моя не имѣла успѣха. Въ ту-же минуту у меня явилась слѣдующая мысль. Я сообразилъ, что если очарователи, насыщая предметъ флюидомъ, производятъ подобное явленіе, пользуясь въ данномъ случаѣ какою-либо естественною силою, законы которой пока еще неизвѣстны, и если означенный флюидъ непостоянно возобновляется чрезъ наложеніе рукъ на предметъ, то онъ поэтому долженъ постепенно убавляться, и въ такомъ случаѣ, спустя нѣкоторое время, у меня окажется возможность безъ всякаго усилія приподнять и переставить ножки стола.

Поэтому я попросилъ факира перейти на противоположный конецъ террасы, что онъ весьма охотно исполнилъ, и дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, ножки столика легко можно было отдѣлить отъ пола и переставить на другое мѣсто.

Я не могъ болѣе сомнѣваться: въ данномъ случаѣ, дѣйствовала какая-то сила; допустить-же при этихъ условіяхъ шарлатанство было-бы рѣшительно невозможно.

Для научнаго изслѣдованія одного этого явленія потребовалось-бы нѣсколько мѣсяцевъ времени, которымъ я однако не могъ тогда располагать, а потому я ограничился передачею факта, не высказывая своего мнѣнія, какимъ образомъ производилось означенное явленіе.

— Духи удалились, заявилъ мнѣ индусъ, — потому что земной проводникъ ихъ былъ прерванъ; но они сейчасъ-же вернуться. Слушай.

Съ этими словами онъ положилъ руки на огромный мѣдный подносъ съ серебряною чеканкою, который обыкновенно употребляется богатыми туземцами для игры въ кости. Почти одновременно съ этимъ на подносѣ раздалось такое невѣроятное количество стуковъ, и столь сильныхъ, что они весьма походили на градъ, падающій на желѣзную кровлю. Мнѣ показалось также (къ подобнымъ явленіямъ я всегда относился съ величайшимъ сомнѣніемъ), будто на подносѣ появилась цѣлая масса

фосфорическихъ огоньковъ столь яркихъ, что несмотря на дневной свѣтъ, ихъ легко можно было различить.

Эти огоньки стали на подносѣ быстро перемѣщаться во всѣхъ направленіяхъ. Явленіе по желанію факира прекращалось, или возобновлялось съ постоянно одинаковымъ успѣхомъ.

Я уже говорилъ о томъ, что помѣщеніе мое у Пейшвы было убрано частью въ европейскомъ и частью въ восточномъ вкусѣ. На этажеркахъ стояло множество различныхъ бездѣлушекъ, а именно: игрушечная вѣтряная мельница, приводившая въ движеніе кузнецовъ, оловянные солдатики, маленькій звѣринецъ изъ дерева нюрнбергской работы съ неизмѣнными зелеными елочками, которыя обыкновенно впервые даютъ дѣтямъ нѣкоторое понятіе о природѣ. Однимъ словомъ, все было завалено европейскими произведеніями. Между самыми ничтожными вещами встрѣчались дѣйствительно изящные и въ полномъ смыслѣ художественные предметы. Они были размѣщены въ безпорядкѣ, какъ попало, во вкусѣ туземныхъ лакеевъ Пейшвы. Не слѣдуетъ однако насмѣхаться надъ этимъ: не менѣе трехъ четвертей всего количества китайскихъ, индійскихъ и австралійскихъ вещей, которыми мы съ гордостью украшаемъ свои роскошныя гостиныя, непременно вызвали-бы ироническую улыбку на лицѣ каждаго обитателя ихъ родины.

Между упомянутыми вещами я замѣтилъ маленькую мельницу, на которую стоило только подуть, что-бы заставить вертѣться ея крылья, сообщавшія такимъ образомъ движеніе нѣсколькимъ фигуркамъ. Я показалъ ее Ковиндасами и попросилъ его привести ее въ движеніе, но чтобы онъ при этомъ не прикасался къ ней и не дулъ на нее.

Едва онъ приблизилъ руки свои къ мельницѣ, какъ она тотчасъ-же стала съ невѣроятною быстротою вертѣться; движеніе крыльевъ усиливалось, или ослабѣвало, смотря по разстоянію, въ какомъ находился отъ нея факиръ.

Хотя это явленіе вовсе не было сложно, но оно болѣе другихъ поразило меня, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ оно, какъ нельзя болѣе, очевидно происходило безъ всякихъ предварительныхъ подготовленій. Слѣдующій подобнаго-же рода опытъ еще болѣе поразителенъ.

Среди вещей, составлявшихъ музей Пейшвы, находился между прочимъ гармонифлютъ. Я обвязалъ тонкою веревкою деревянный прямоугольникъ его, къ которому придѣланы были мѣхи (часть инструмента противоположная той сторонѣ, на которой расположены клавиши) и привязалъ его къ желѣзному пруту террасы такимъ образомъ, что онъ повисъ фута на два отъ пола. Затѣмъ я обратился къ факиру съ просьбою извлечь изъ инструмента, не прикасаясь къ нему, звуки.

Уступая моей просьбѣ, онъ взялъ въ руки веревку, на которой висѣлъ гармонифлютъ, держа ее между большими и указательными пальцами; сосредоточившись, онъ остался въ этой позѣ совершенно неподвиженъ. Вскорѣ инструментъ постепенно пришелъ въ движеніе; мѣхи стали сжиматься и разжиматься, какъ

будто тутъ дѣйствовали какія-то невидимыя руки; вслѣдъ за тѣмъ инструментъ началъ издавать протяжные звуки. Хотя они далеко не были гармоничны, но каждый звукъ выходилъ отчетливо и чисто.

— Не можешь-ли ты извлечь какую-нибудь мелодію? спросилъ я Ковиндасами.

— Изволь; я вызову духа, бывшаго нѣкогда музыкантомъ въ пагодѣ, серьезно отвѣчалъ факиръ.

Я сталъ терпѣливо ждать.

Когда я выразилъ Ковиндасами это желаніе, гармонифлютъ тотчасъ-же замолкъ и только послѣ значительнаго промежутка времени снова пришелъ въ движеніе. Взявъ сначала рядъ гармоническихъ аккордовъ, въ родѣ какой-то прелюдіи, онъ затѣмъ рѣшительно перешелъ на мотивъ самой популярной на Малабарскомъберегу пѣсни:

"Таиту мукути конда
Аруне кони помеле", и т. д.

(Юная дѣва, Аруне, принеси драгоцѣнные камни).

Во все время исполненія этой мелодіи факиръ не сдѣлалъ ни одного движенія и только ограничивался тѣмъ, что прикасался, какъ выше описано, пальцами къ веревкѣ, сообщавшей его съ гармонифлютомъ.

Желая провѣрить явленіе, я сталъ на колѣни, что-бы удобнѣе слѣдить за разнообразными движеніями инструмента. Клавиши опускались и поднимались сообразно со звуками мелодіи; и это я видѣлъ столь явственно, что вполнѣ въ состояніи утверждать дѣйствительность явленія, разумѣется, если не стану приписывать его обману чувствъ.

Еще разъ повторяю, что я свидѣтельствую о фактѣ безъ всякихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Предположивъ, что эти явленія не имѣютъ ничего общаго ни съ иллюзіей, ни съ шарлатанствомъ, развѣ въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ стремиться отыскивать руководящихъ ими законовъ?

Нѣтъ! говорятъ а ргіогі патентованные ученые, — подобная бессмыслица недостойна серьезнаго изученія!

Да! отвѣчаютъ не менѣе официальные ученые Англіи и нѣкоторые другіе. — Мы подтверждаемъ дѣйствительность существованія подобнаго рода физическихъ феноменовъ и согласны, что при этомъ иллюзія и шарлатанство не имѣютъ мѣста. Наша честь обязываетъ насъ стремиться отыскать для нихъ неизвѣстные еще законы, и высказать одну только истину.

Вотъ въ какомъ состояніи находится этотъ вопросъ.

Съ одной стороны мы замѣчаемъ упорное отрицаніе, съ другой-же — серьезное изслѣдованіе.

Видно, ученые (какъ они сами себя называютъ) и по настоящее время не могутъ отрѣшиться отъ своего традиціоннаго упорства, которое было причиною тому, что они отвергли большую часть великихъ изобрѣтеній, какими гордится наше столѣтіе.

Я не принимаю непосредственнаго участія въ этомъ спорѣ, что весьма понятно, такъ какъ если бы я пожелалъ формулировать какой-либо законъ на основаніи явленій, которыя я наблюдалъ, то всѣ ученые могли-бы сказать мнѣ: развѣ вы изслѣдовали научнымъ путемъ каждое изъ тѣхъ необыкновенныхъ явленій, которыя производятъ факиры и о которыхъ вы намъ говорите?

А такъ какъ ни вѣсы, ни гири, ни вазы, ни столы и вообще ни одинъ изъ предметовъ, употреблявшихся очарователями, не были заказаны и сдѣланы подѣ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ, то на подобный вопросъ мнѣ оставалось-бы только отвѣтить: "Подобнымъ научнымъ путемъ — нѣтъ".

Съ другой стороны, если мнѣ извѣстно, что факиры очень часто пользовались моими собственными вещами, а еще чаще предметами, которыхъ они предѣ тѣмъ никогда не видали и не прикасались къ нимъ, то вмѣстѣ съ гг. Круксомъ, Гюйгенсомъ, Сержаномъ Коксомъ и другими замѣчу слѣдующее: "эти-то именно феномены должны быть во всякомъ случаѣ изслѣдованы, потому что для науки по меньшей мѣрѣ составляетъ одинаковый интересъ, познавъ причины, либо отвергнуть, либо признать ихъ".

Передъ заходомъ солнца, Ковиндасами долженъ былъ уже отправиться на берегъ священной рѣки и на колѣняхъ читать молитвы. Такъ какъ время уже приближалось, то, прощаясь со мною, по обычаю со всевозможными формальностями, онъ заявилъ, что на слѣдующій день ему нельзя будетъ придти ко мнѣ.

Я выразилъ ему объ этомъ свое сожалѣніе, на что онъ отвѣтилъ:

— Завтра двадцать первый день моего пребыванія въ Бенаресѣ, и послѣдній день похоронныхъ обрядовъ; факиръ обязанъ молиться непрерывно отъ одного восхода солнца до слѣдующаго (т. е. въ продолженіи сутокъ); окончивъ свою обязанность, онъ возвратится въ Тривандерамъ. Но такъ какъ ты былъ добрѣ ко мнѣ, то, прежде чѣмъ отправиться въ путь на родину, я предоставлю въ твое распоряженіе еще цѣлый день и цѣлую ночь. Уста мои, сомкнутыя въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ, отверзлись, чтобы говорить съ тобою на томъ языкѣ, на которомъ старая мать моя убаюкивала меня въ колыбели изъ банановаго листа.

Онъ постоянно возвращался къ дорогимъ воспоминаніямъ и произнесъ послѣднія слова голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

Мнѣ никогда не случалось встрѣчать индуса, который говорилъ-бы о своей матери безъ замѣтнаго волненія.

Ковиндасами намѣревался уже переступить черезъ порогъ двери, которая вела изъ террасы, когда онъ замѣтилъ въ одной изъ вазъ букетъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ отъ птицъ, принадлежащихъ къ рѣдкимъ породамъ въ Индіи. Онъ взялъ въ руку цѣлый пучекъ ихъ и высоко, насколько могъ, подбросилъ надъ своею головою. Перья стали немедленно-же опускаться, а факиръ началъ производить подѣ ними пассы*; по мѣрѣ приближенія

* Извѣстныя движенія рукъ при магнетизированіи.

какого-либо изъ перьевъ къ рукамъ очарователя, оно медленно поворачивалось на своей оси и поднималось по спиральной линіи вверхъ, до самой цыновки, служившей террасѣ подвижной крыши.

То-же самое произошло со всѣми перьями и, секунду спустя, они снова подверглись силѣ тяготѣнія, которая влекла ихъ къ землѣ. Опускаясь вторично и не достигнувъ и половины пути, они снова поднимались вверхъ, до самой цыновки и оставались уже на ней, какъ-бы прилипшими. Еще одно легкое колебаніе и какъ-бы усиліе опуститься, и затѣмъ они остались въ совершенно неподвижномъ состояніи. Любуясь на всевозможные пестрые цвѣта ихъ, ярко выдѣлявшіеся на золотистомъ фонѣ соломенной цыновки, можно было принять ихъ за произведеніе кисти опытнаго художника.

Лишь только факирь удалился, всѣ они попадали на полъ. Я оставилъ ихъ надолго въ такомъ положеніи, т. е. разбросанными на плитахъ террасы, чувствуя потребность въ доказательствѣ, "что я не находился передъ тѣмъ подъ вліяніемъ галлюцинаціи".

Съ наступленіемъ ночи, а вмѣстѣ съ нею и пріятной прохлады, я тотчасъ-же отправился на набережную и, войдя на дэнги, приказалъ судовщику отчалить и предоставить лодку теченію.

Подъ глубокимъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ непонятныхъ явленій, я почувствовалъ потребность перенестись въ другую среду и замѣнить фантастическій сонъ, чуть не увлекшій меня въ волшебный міръ человѣческой фантазіи, на болѣе тихое и покойное чувство, которое мнѣ доставляли поэтическія ночи на Гангѣ съ монотонными пѣснями индусскихъ гребцовъ и доносившимся издалика завываніемъ хищныхъ звѣрей.

ГЛАВА ІХ.

Рисунки на песокъ. — Колодезь и работникъ. — Потеря голоса. — Передача мысли. — Слово прочитанное въ закрытой книгѣ. — Мелодическіе звуки въ воздухѣ. — Полетъ пальмоваго листа. — Поднятіе факира на воздухъ.

Передъ тѣмъ, какъ разстаться со мною и отправиться обратно въ Тривандерамъ; Ковиндасами обѣщаль мнѣ вызвать всѣ силы, находившіяся въ его распоряженіи, или обратиться ко всѣмъ духамъ, которые, по его словамъ, ему помогаютъ, и показать мнѣ чудеса, воспоминаніе о которыхъ сохранится у меня на вѣки.

Въ этотъ день намъ предстояло два сеанса: одинъ, какъ и предыдущіе, при дневномъ свѣтѣ, другой-же ночью, причемъ мнѣ предоставлялось полное право освѣщать по моему усмотрѣнію то мѣсто, гдѣ будутъ производиться опыты.

Солнце едва освѣщало своими золотистыми лучами гать храма Сивы, когда индусъ, исполнившій окончательно возложенную на него обязанность, опасаясь застать меня спящимъ, велѣлъ слугѣ доложить мнѣ о своемъ приходѣ.

— Саранай Айа (поклонъ, господинъ), сказалъ онъ при входѣ въ комнату. — Завтра факиръ возвращается въ страну своихъ предковъ.

— Лучшія пожеланія мои будутъ сопутствовать тебѣ, было моимъ отвѣтомъ. — Злые духи да пощадятъ твой домашній очагъ за время твоего отсутствія!

По обыкновенію факиръ не сталъ продолжать разговора, а послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ тотчасъ-же усѣлся на полъ и принялся производить слѣдующій рядъ явленій.

Онъ принесъ съ собою мѣшечекъ, наполненный чрезвычайно мелкимъ пескомъ, который онъ высыпаль на полъ и, выровнявъ его рукою, образоваль такимъ образомъ гладкую поверхность около пятидесяти квадратныхъ сантиметровъ величины. Сдѣлавъ это, онъ попросилъ меня помѣститься противъ него у стола и взять листъ чистой бумаги и карандашъ. Затѣмъ онъ попросилъ дать ему какую-нибудь деревянную палочку. Я кинулъ ему палочку для стальныхъ перьевъ, которую онъ бережно положилъ на поверхность песка.

— Слушай, сказалъ онъ мнѣ, — я буду вызыватьдуховъ, и когда ты замѣтишь, что палочка эта приподнимется и станетъ въ вертикальное положеніе, прикасаясь однимъ изъ своихъ концевъ къ полу, то можешь чертить на бумагѣ, какіе тебѣ угодно, знаки и ты увидишь, что они будутъ воспроизводиться на песокѣ.

Затѣмъ онъ протянулъ передъ собою въ горизонтальномъ направленіи обѣ руки, и сталъ шептать таинственныя вызыванія. Черезъ нѣсколько мгновеній палочка, какъ онъ сказалъ, постепенно приподнялась. Въ ту-же минуту я началъ водить карандашемъ по бумагѣ, чертя на удачу самыя замысловатыя фигуры. Я тотчасъ-же замѣтилъ, какъ деревянная палочка стала подражать малѣйшимъ движеніямъ карандаша, и причудливыя арабески, которыя я

чертилъ на бумагѣ, въ точности воспроизводились ею на пескѣ. Когда я останавливался, палочка каждый разъ слѣдовала моему примѣру и когда я снова начиналъ чертить, то и палочка немедленно-же подражала моему движенію.

Во все это время факиръ не мѣнялъ своего положенія и ничто повидимому не сообщало его съ палочкой, которая находилась подъ его вліяніемъ.

Я захотѣлъ удостовѣриться, не имѣетъ-ли онъ возможности слѣдить со своего мѣста за движеніями карандаша, которымъ я водилъ по бумагѣ, что однако вовсе не послужило-бы мнѣ объясненіемъ, какимъ образомъ онъ могъ въ то-же самое время передавать эти знаки, не прикасаясь къ поверхности песка, на которой они воспроизводились. Поэтому я отошелъ отъ стола и, вставъ въ одинаковое съ Ковиндасами положеніе, вполне долженъ былъ убѣдиться, что для него не было никакой возможности что-либо видѣть.

Я сличилъ тогда начертанные мною знаки съ воспроизведенными на пескѣ и они оказались совершенно тождественными.

Выровнявъ снова поверхность песка, факиръ сказалъ мнѣ: — Задумай какое-либо слово на языкѣ боговъ, на санскритскомъ.

— Зачѣмъ-же непременно на этомъ нарѣчїи? спросилъ я его.

— Потому-что духи предпочитаютъ пользоваться этимъ безсмертнымъ языкомъ, который воспрещенъ нечистымъ кастамъ.

Я уже привыкъ не оспаривать религіозныхъ убѣжденій факира, а потому и удовольствовался этимъ объясненіемъ.

Тогда индусъ по прежнему протянулъ свои руки, и магическій карандашъ пришелъ въ движеніе. Постепенно приподнявшись, онъ безъ малѣйшаго замедленія написалъ слѣдующее слово: "Пуруша" (Творецъ Небесный).

Это было именно то слово, которое я задумалъ.

— Задумай цѣлую фразу, продолжалъ очарователь.

— Задумалъ, было моимъ отвѣтомъ.

И карандашъ начертилъ на пескѣ слѣдующія слова:

"Адисете Вейкунтамъ гарись!"

(Вишну спитъ на горѣ Вейконта).

— Въ состояніи-ли вдохновляющій тебя духъ написать мнѣ 243-й стихъ изъ четвертой книги Ману? Спросилъ я Ковиндасами.

Едва успѣлъ я выразить это желаніе, какъ карандашъ уже принялся за исполненіе его; на пескѣ стали появляться буква за буквой, и вскорѣ передо мною появилась слѣдующая "строфа" та именно, которая была мною задумана:

"Дармапраданама пурушамъ топаза гатакилвизамъ Паралокамъ найати асу базуантамъ Касариринамъ".

Вотъ дословный переводъ этой замѣчательной строфы:

"Человѣкъ, всѣ дѣйствія котораго имѣютъ цѣлью добродѣтель, и всѣ грѣхи котораго смыты благочестивыми дѣяніями и жертвоприношеніями, переходитъ въ царство Неба лучезарнымъ въ духовномъ (эфирномъ) тѣлѣ".

Наконецъ, въ видѣ послѣдняго опыта, я наложилъ руку на закрытую книжку, въ которой заключалось нѣсколько гимновъ изъ Ригъ-Веда, и пожелалъ, чтобы на песокъ было воспроизведено первое слово пятой строки на двадцать первой страницѣ.

Я получилъ слѣдующее:

"Девадатта",

т. е. "Богомъ данный".

Я справился по книгѣ; оно оказалось точъ въ точъ.

— Не желаешь-ли предложить мысленный вопросъ? спросилъ меня факиръ.

Въ знакъ согласія я просто кивнулъ головою, и палочка начертила на песокъ слѣдующее слово:

"Вазундара",

т. е. "земля".

Задуманный мною вопросъ былъ: кто наша общая мать?

Я ничего не объясняю и не указываю причинъ этого явленія. Была-ли это просто ловкость, или вдохновеніе, мнѣ неизвѣстно. Что я видѣлъ, то и передаю; во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ засвидѣтельствовать, что эти явленія производились при той именно обстановкѣ и условіяхъ, которыя я въ точности передалъ. Обманъ механическимъ путемъ былъ рѣшительно невозможенъ.

Первая половина нашего сеанса продолжалась довольно долго. Попросивъ факира сдѣлать маленькій перерывъ, я отправился на оконечность террасы, куда и онъ за мною послѣдовалъ.

Было приблизительно десять часовъ утра. Подъ вліяніемъ свѣта и жары, воды Ганга стали принимать зеркальную поверхность. По лѣвую сторону отъ насъ находился довольно обширный садъ, среди котораго какой-то работникъ апатично доставалъ на веревкѣ изъ колодезя воду и выливалъ ее въ бамбуковую трубу, которая была проведена въ залъ для купанья.

Ковиндасами протянулъ руки по направленію къ колодезю и я тотчасъ-же замѣтилъ, что работникъ съ невѣроятными усиліями сталъ тянуть за веревку, которая перестала двигаться по блоку.

Когда индусу что-либо не удастся въ работѣ, то онъ обыкновенно приписываетъ препятствіе, которое онъ преодолѣтъ не въ состояніи, вліянію злыхъ геніевъ, и начинаетъ распѣвать рядъ магическихъ заклинаній, мнимый секретъ которыхъ ему нерѣдко приходилось покупать весьма дорого.

Работникъ намѣревался сдѣлать то-же самое, но едва онъ взялъ нѣсколько гнусливыхъ и пронзительныхъ нотъ, которыми весь востокъ, не исключая и крайняго, дерутъ намъ уши, находя ихъ гармоничными, какъ голосъ у него оборвался и, несмотря на всѣ усилія и весьма комическія кривлянія, онъ не былъ въ состояніи произвести ни одного звука.

Комичная сцена эта продолжалась нѣсколько минутъ, и когда затѣмъ факиръ опустилъ руки, то работнику снова вернулась способность рѣчи, а веревка уступила его усиліямъ.

Когда мы вернулись на прежнее мѣсто, гдѣ производились наши опыты, жара стала невыносимою, о чемъ я замѣтилъ факиру;

но онъ повидимому не слушалъ меня, настолько казался сосредоточеннымъ.

Я уже забылъ объ этомъ замѣчаніи, которое сдѣлалъ совершенно невольно, какъ одинъ изъ тѣхъ вѣровъ, изъ пальмовыхъ листьевъ, которые употребляются для опахиванія въ комнатахъ, гдѣ нѣтъ панкаха, поднялся со стола и, летая, сталъ вокругъ моего лица производить легкій вѣтерокъ.

Я замѣтилъ, что, хотя движенія вѣера были весьма медленны, онъ тѣмъ не менѣе производилъ необыкновенную прохладу. Въ то-же время мнѣ слышались гармоничные звуки, какъ-бы человеческого голоса, которые не имѣли уже индусскаго характера. То приближаясь, то удаляясь, они проносились по воздуху подобно далекой пѣснѣ, долетающей изъ долины въ сумерки до слуха охотника.

Пальмовый листъ вернулся на свое мѣсто; звуки прекратились, и я задавалъ себѣ вопросъ, не былъ-ли я все время жертвою иллюзіи.

Уходя отъ меня, чтобы подкрѣпить силы пищею и предаться на нѣсколько часовъ отдыху, что ему крайне было необходимо, такъ какъ въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ онъ ничего не ѣлъ и не смыкалъ глазъ, факиръ остановился у дверей, которыя вели изъ террасы къ выходной лѣстницѣ, и, скрестивъ на груди руки, медленно поднялся на воздухъ на высоту приблизительно отъ двадцати пяти до тридцати сантиметровъ и остался въ такомъ положеніи безъ всякой видимой поддержки.

Я могъ опредѣлить въ точности высоту его подъема, благодаря точкѣ, которую я успѣлъ замѣтить, пока длилось это явленіе. Позади факира висѣлъ кусокъ полосатой шелковой матеріи, которая замѣняла на дверяхъ драпировку. Рисунокъ состоялъ изъ золотыхъ и бѣлыхъ полосъ, одинаковой ширины. Я замѣтилъ, что ноги факира при подъемѣ находились на высотѣ шестой полосы снизу.

Какъ только я увидѣлъ, что факиръ сталъ отдѣляться отъ пола, я вынулъ свой хронометръ и, слѣдя за временемъ, рассчиталъ, что все явленіе съ того самаго момента, когда Ковиндасами началъ подниматься, до того, когда онъ снова коснулся пола, прошло немного болѣе восьми минутъ.

Почти пять минутъ онъ оставался на высшей точкѣ подъема совершенно неподвижнымъ.

Прощаясь съ Ковиндасами, я спросилъ его, имѣетъ-ли онъ возможность повторять это явленіе по желанію.

— Факиръ, отвѣчалъ онъ мнѣ напыщеннымъ тономъ, — по желанію могъ-бы подняться до облаковъ.

— Какимъ-же образомъ онъ пріобрѣтаетъ такую способность?

Я и самъ не зналъ, почему я снова задалъ ему подобный вопросъ, такъ какъ разъ двадцать уже онъ отвѣчалъ мнѣ, что смотритъ на себя только какъ на орудіе духовъ.

Онъ отвѣчалъ наставительнымъ тономъ:

Спиритизмъ въ Индіи

"Свадіаіе нитьяюкта сіаť
Амбарадъ аватарати дева".

"Необходимо, чтобы факирь находился, съ помощью сосредоточенной мольбы, въ постоянномъ общеніи съ духами, и тогда одинъ изъ высшихъ духовъ нисходитъ къ нему съ неба".

ГЛАВА X.

Произвольное произрастаніе.

Въ очеркѣ своихъ путешествій по Тибету миссіонеръ Гюкъ описываетъ феноменъ, имѣющій сходство съ тѣмъ, о которомъ я намѣренъ говорить, но на который я смотрю лишь, какъ на весьма ловкій фокусъ.

Я, пожалуй, не сталъ-бы здѣсь упоминать о немъ, еслибы онъ не составлялъ, такъ сказать, одной изъ главныхъ составныхъ частей всей массы внѣшнихъ проявленій, производимыхъ послѣдователями ученія питрисовъ; но я придерживаюсь правила добросовѣстнаго историка ничего не выпускать при описаніи этихъ странныхъ явленій.

Между многими самыми невѣроятными вѣрованіями факировъ, существуетъ убѣжденіе, что они обладаютъ способностью непосредственнаго воздѣйствія на произрастаніе растений, и могутъ ускорить ихъ ростъ настолько, что достигаютъ въ нѣсколько часовъ результата, для полученія котораго обыкновенно требуется нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ тщательнаго ухода.

Не разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ странствующие факиры производили подобное явленіе, но такъ какъ я смотрѣлъ на него, какъ на весьма ловкій фокусъ, то и не озаботился въ точности отмѣтить условія и обстоятельства, при которыхъ, оно происходило.

Во все время занятій своихъ съ Ковиндасами, сила котораго дѣйствительно была необычайна, я заставлялъ его производить явленія, которыя прежде совершались въ моемъ присутствіи другими факирами. Упомянутое явленіе казалось мнѣ вполне невѣроятнымъ, но не смотря на то, я рѣшился повторить съ нимъ этотъ нелѣпый, но любопытный на мой взглядъ фокусъ, при чемъ я задался мыслью зорко слѣдить за каждымъ дѣйствіемъ Ковиндасами, чтобы ни одно движеніе его не ускользнуло отъ моего вниманія.

До начала большого сеанса въ теченіи ночи, ему еще оставалось заниматься со мною въ продолженіи двухъ часовъ времени, т. е. отъ трехъ до пяти часовъ пополудни. Я рѣшился посвятить это время наблюденіямъ надъ означеннымъ явленіемъ.

Факиръ не могъ знать о моемъ намѣреніи, которое, я полагалъ, сильно поразитъ его. Когда онъ явился, я выразилъ ему свое желаніе.

— Я къ твоимъ услугамъ, просто отвѣтилъ онъ мнѣ.

Самоувѣренность факира нѣсколько смутила меня, но я тотчасъ-же спросилъ его:

— Позволишь-ли ты мнѣ самому выбрать землю, горшокъ и сѣмя, которое ты заставишь взойти въ моемъ присутствіи.

— Горшокъ и сѣмя — да; но земля должна быть взята изъ гнѣзда каріасовъ.

Каріасы — родъ маленькихъ бѣлыхъ муравьевъ, весьма обыкновенныхъ въ Индіи. Они строятъ свои жилища въ видѣ

бугровъ, достигающихъ высоты отъ восьми до десяти метровъ. Они готовятъ особеннымъ образомъ землю для своихъ построекъ, и ничего не было легче, какъ достать ея въ небольшомъ количествѣ.

Я послалъ своего слугу добыть этой земли и наполнить ею цвѣточный горшокъ обыкновенной величины и вмѣстѣ съ тѣмъ принести нѣсколько сѣмянъ различныхъ растений.

Факиръ-же попросилъ его растереть эту землю между двумя камнями, такъ какъ она добывается лишь кусками, которые отламываются отъ всей массы и тверды, какъ обломки старыхъ зданій.

Требованіе Ковиндасами доказывало только его предусмотрительность, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ намъ было-бы неудобно заняться этою работою внутри помѣщенія.

Черезъ четверть часа слуга мой вернулся и принесъ, что намъ требовалось. Взявъ все это изъ его рукъ, я отпустилъ его, желая воспрепятствовать сношенію съ нимъ Ковиндасами. Я передалъ факиру горшокъ, наполненный бѣловатою землею, совершенно пропитанною молочною жидкостью, которою каріасы смачиваютъ каждую частичку земли, употребляемой ими для построекъ. Онъ сталъ разбавлять ее небольшимъ количествомъ воды, бормоча заклинанія, которыя я не могъ слышать.

Когда, по мнѣнію факира, земля оказалась надлежащимъ образомъ приготовленною, онъ попросилъ меня дать ему по выбору моему одно сѣмя и кусокъ какой-либо бѣлой матеріи. Изъ всѣхъ зеренъ, принесенныхъ слугою, я взялъ наудачу зерно дыннаго дерева и прежде чѣмъ передать его факиру, попросилъ его дозволить мнѣ сдѣлать на немъ мѣтку. Получивъ согласіе, я сдѣлалъ легкій надрѣзъ на кожицѣ зерна. Оно походило на обыкновенное тыквенное сѣмя, отличаясь лишь темнымъ каштановымъ цвѣтомъ. Я передалъ факиру сѣмя и нѣсколько аршинъ кисеи, которая употребляется для защиты отъ москитовъ.

— Я засну скорѣ сномъ духовъ, сказалъ мнѣ Ковиндасами, — поклянись мнѣ, что не дотронешься ни до меня, ни до горшка.

Я обѣщалъ ему.

Онъ посадилъ зерно въ землю, которая была разбавлена имъ почти до состоянія жидкой грязи, затѣмъ онъ воткнулъ близъ края горшка неразлучную съ нимъ семиколѣнчатую бамбуковую трость — знакъ своего посвященія въ факиры — и воспользовался ею словно подставкою, на которую онъ навѣсилъ только что полученную имъ отъ меня кисею. Покрывъ такимъ образомъ горшокъ съ землею, на которую ему приходилось воздѣйствовать, онъ сѣлъ на полъ, протянулъ горизонтально надъ кисею обѣ руки и мало-по-малу впалъ въ полное состояніе каталепсіи.

Я далъ обѣщаніе не прикасаться къ нему. Хотя я в началѣ и сомнѣвался въ томъ, было-ли это дѣйствительно каталептическое состояніе, или-же только ловкое подражаніе ему, но когда, по прошествіи получаса, я увидѣлъ, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, то принужденъ былъ подчиниться очевидности. Ни одинъ человѣкъ, какою-бы онъ силою ни обладалъ, не способенъ въ

бодрственномъ состояніи продержать, даже впродолженіи лишь десяти минутъ, предъ собою руки въ горизонтальномъ положеніи.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый часъ. Ни малѣйшее движеніе мускуловъ не обнаруживало въ немъ признаковъ жизни, Почти нагой, съ лоснящимся, почернѣвшимъ отъ солнечныхъ лучей, тѣломъ, съ неподвижными, открытыми глазами, факирь совершенно походилъ на бронзовую статую въ экстаической позѣ.

Съ самаго начала я всталъ было противъ него, чтобы ничего не упустить изъ виду, но вскорѣ я не былъ въ состояніи болѣе выносить его взгляда, который хотя и былъ почти безжизненъ, но, какъ мнѣ казалось, изливалъ потокъ магнетическаго флюида. Была минута, когда въ моихъ глазахъ все начинало вокругъ меня кружиться, не исключая и самаго факира... Чтобы избавиться отъ этого непріятнаго состоянія, происходившаго безъ сомнѣнія отъ слишкомъ сильнаго напряженія глазъ на одни и тѣ-же предметы, я всталъ и, не теряя изъ виду Ковиндасами, который продолжалъ сидѣть неподвижно, какъ статуя, сѣлъ у конца террасы и попеременно сталъ смотрѣть то на теченіе Ганга, то на факира, чтобы такимъ образомъ освободиться отъ слишкомъ продолжительнаго и однообразнаго впечатлѣнія.

Я провелъ два часа въ ожиданіи; солнце начало уже быстро клониться къ горизонту, какъ вдругъ мнѣ послышался слабый вздохъ; я содрогнулся. Факирь сталъ приходить въ себя.

Проснувшись, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ приблизиться и снявъ кисею, покрывавшую горшокъ, показалъ мнѣ свѣжій и зеленый молодой стебелекъ дыннаго дерева, вышиною приблизительно въ двадцать сантиметровъ.

Какъ-бы угадывая мою мысль, Ковиндасами погрузилъ свои пальцы въ землю, которая потеряла почти всю свою влажность, и, осторожно вынувъ молодое растеніе, указалъ мнѣ на одной изъ двухъ половинокъ зерна, державшихся еще у корня, надрѣзь, который былъ мною за два часа передъ тѣмъ сдѣланъ.

Были-ли это въ дѣйствительности то-же самое зерно и тотъ-же самый надрѣзь? На это я могу отвѣтить только одно: я не замѣтилъ, чтобы факирь подмѣнилъ его; онъ не выходилъ изъ террасы, и я все время не упускалъ его изъ виду. Явившись ко мнѣ, онъ не могъ знать, какого рода явленіе я заставляю его произвести. Онъ не имѣлъ никакой возможности скрыть растеніе въ своей одеждѣ, такъ какъ былъ почти совершенно нагъ, и во всякомъ случаѣ онъ не могъ-бы заранѣе предвидѣть, что изъ тридцати различныхъ породъ сѣмянъ, которыя принесъ слуга, я выберу именно сѣмя дыннаго дерева.

Относительно этого факта я ничего болѣе не могу добавить. Бываютъ случаи, когда разсудокъ никакъ не можетъ согласиться съ очевидностью, не смотря на фактическія доказательства, въ которыхъ всѣ наши пять чувствъ не въ состояніи уловить обмана.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ факирь наслаждался видомъ моего смущенія, и затѣмъ съ плохо скрываемымъ чувствомъ гордости онъ сказалъ мнѣ:

— Если бѣ я продолжалъ свои званія къ духамъ, то по истеченіи восьми дней, дынное дерево покрылось-бы цвѣтомъ, а черезъ пятнадцать — оно принесло-бы плоды.

Вспомнивъ описанія миссіонера Гюка и подобныя-же явленія, свидѣтелемъ которыхъ я самъ былъ въ Карнатикѣ, я замѣтилъ факиру, что бывали очарователи, которые достигали тѣхъ-же результатовъ въ продолженіи двухъ часовъ.

— Ты ошибаешься, возразилъ мнѣ на это индусъ. — Явленія, о которыхъ ты говоришь, есть феноменъ "приносовъ духами выросшихъ уже плодовыхъ деревьевъ". Что я показалъ тебѣ есть "произвольное произрастаніе". Никогда чистый флюидъ, подъ руководствомъ духовъ, не могъ въ теченіи одного только дня произвести всѣ три фазы: зарожденіе, разцвѣтаніе и плодъ...

Часъ омовеній, т. е. заходъ солнца приближался; факиръ поспѣшилъ удалиться, назначивъ мнѣ въ послѣдній разъ свиданіе въ десять часовъ вечера; съ этого часа вся ночь должна была исключительно быть посвящена феноменамъ видѣній.

Существуетъ фактъ, о которомъ я долженъ здѣсь упомянуть и который, быть можетъ, наведетъ на объясненіе упомянутаго явленія; фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ, кому только ни приходилось жить въ Индіи.

Разъ двадцать и болѣе я убѣждался на опытѣ, что значительное количество огородныхъ сѣмянъ, посаженныхъ на разсвѣтъ на влажной почвѣ, подвергающейся непосредственному вліянію творящаго чуда солнца, всходило изъ земли между полуднемъ и часомъ, а въ шесть часовъ, когда кончается день, они достигали уже около сантиметра вышины.

Съ другой стороны, чтобы быть вполне справедливымъ, нужно замѣтить, что необходимо по крайней мѣрѣ пятнадцать дней для восхода сѣмени дыннаго дерева.

Я не стану болѣе распространяться объ описанномъ мною явленіи, которое по всей вѣроятности многіе отнесутъ въ область фантазіи, такъ какъ общепринятый анализъ разума не въ состояніи объяснить его, не допустивъ вѣроятности обмана.

ГЛАВА ХІ.

Таинственныя руки. — Приносъ цвѣтовъ и вѣнковъ. — Огненныя буквы. — Тѣнь жреца- брамина. — Музыкантъ-привидѣніе.

Просматривая свои путевыя замѣтки, которыя были набросаны мною на слѣдующій день послѣ послѣдняго въ высшей степени поразительнаго сеанса, я пришелъ къ убѣжденію, что сильное впечатлѣніе, подѣ которымъ я находился наканунѣ, слишкімъ явно отразилось на формѣ ихъ изложенія, а потому, не желая уклоняться отъ принятаго мною намѣренія оставаться лишь строго послѣдовательнымъ повѣствователемъ, я не могу помѣстить ихъ здѣсь въ первоначальномъ ихъ видѣ; я долженъ ограничиться, какъ и при описаніи предыдущихъ явленій, только передачею, такъ сказать, одного содержанія протокола о происходившихъ въ эту достопамятную ночь въ моемъ присутствіи явленіяхъ.

Въ условленный часъ Ковиндасами тихонько вошелъ въ занимаемое мною помѣщеніе.

— Не чувствуетъ-ли очарователь себя утомленнымъ послѣ строгаго поста и молитвъ въ продолженіи двадцати одного дня? спросилъ я факира, дружески здороваясь съ нимъ.

— Тѣло факира никогда не устаетъ; это покорный рабъ, слѣпо повинующійся своему господину, отвѣчалъ мнѣ поучительнымъ тономъ индусъ.

Передъ тѣмъ, какъ войти ко мнѣ въ комнату, онъ оставилъ на одной изъ ступеней лѣстницы небольшой кусокъ холста, называемый "лангути", шириною около десяти сантиметровъ, который обыкновенно служилъ ему единственнымъ одѣяніемъ. Онъ вошелъ ко мнѣ совершенно нагимъ: семиколѣнчатая трость его была привязана къ одной изъ прядей его длинныхъ волосъ.

— Ничто нечистое, сказалъ онъ мнѣ, — не должно касаться тѣла вызывателя, если онъ желаетъ сохранить во всей силѣ способность свою сообщаться съ духами.

Спальня моя выходила прямо на террасу; обѣ эти комнаты были исключительно предназначены мною для нашихъ опытовъ, и я всегда тщательно запиралъ всѣ двери, чрезъ которыя можно было войти снаружи.

Терраса была со всѣхъ сторонъ плотно закрыта подвижною крышею и циновками, между которыми не оставалось ни малѣйшаго отверстія; туда можно было проникнуть только черезъ мою спальню.

Посреди каждой комнаты висѣла на бронзовыхъ цѣпяхъ въ хрустальномъ колпакѣ лампа съ кокосовымъ масломъ, пріятный, нѣжный свѣтъ которой былъ настолько силенъ, что было нетрудно разобрать самый мелкій почеркъ, даже въ отдаленнѣйшихъ углахъ помѣщенія.

Во всѣхъ безъ исключенія индусскихъ домахъ можно найти маленькія мѣдныя жаровни, въ которыхъ постоянно сохраняются горящіе уголья; время отъ времени бросаютъ туда нѣсколько щепотокъ благовоннаго порошка, составленнаго изъ сандала, корня ириса, ладана и мирры.

Факиръ взялъ такую жаровню и поставилъ ее посреди террасы, а рядомъ съ нею мѣдное блюдечко, наполненное благовоннымъ порошкомъ; окончивъ эти приготовленія онъ усѣлся въ обыкновенной своей позѣ на полу и, скрестивъ на груди руки, началъ читать какое-то длинное заклинаніе на совершенно непонятномъ для меня нарѣчій.

Окончивъ свое чтеніе, онъ остался въ совершенно неподвижномъ положеніи; лѣвая рука его была прижата къ сердцу, а правую онъ опирался на свою бамбуковую трость.

Я предполагалъ, что, какъ и наканунѣ, онъ опять впадетъ въ каталептическое состояніе; но этого не случилось, такъ какъ по временамъ онъ подносилъ руку ко лбу и какъ будто дѣлалъ пассы, стараясь повидимому освободить такимъ образомъ мозгъ отъ дѣйствія флюидовъ.

Вдругъ я содрогнулся: посреди моей спальни начало образовываться облако съ слабымъ фосфорическимъ блескомъ. Со всѣхъ сторонъ изъ него стало выходить нѣчто похожее съ виду на руки, которыя тотчасъ-же въ немъ быстро опять исчезали. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ нѣкоторыя изъ этихъ рукъ утратили свой парообразный видъ и стали совершенно походить на настоящія человѣческія руки. Странное дѣло, въ то время, какъ однѣ руки, такъ сказать, матеріализовались, другія становились болѣе свѣтящимися. Однѣ дѣлались плотными и бросали отъ себя тѣнь противъ свѣта, другія-же становились настолько прозрачными, что сквозь нихъ можно было ясно различать находившіеся позади предметы.

Я насчиталъ такихъ рукъ до шестнадцати.

Я попросилъ у факира дозволенія дотронуться до нихъ, но не успѣлъ я еще вполне выразить своего желанія, какъ одна изъ этихъ таинственныхъ рукъ, отдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ, порхая въ воздухѣ, приблизилась ко мнѣ и пожала мнѣ руку, которую я протянулъ ей. Это была маленькая ручка, мягкая и влажная, и совершенно похожая на женскую.

— Хотя ты видишь только одну руку, но духъ, которому она принадлежитъ, также здѣсь, сказалъ мнѣ Ковиндасами; если хочешь, то можешь говорить съ нимъ.

Улыбнувшись, я спросилъ тогда, не пожелаетъ-ли духъ, обладатель этой прелестной ручки, дать мнѣ что-нибудь на память. Какъ-бы въ отвѣтъ на это, я почувствовалъ, что ручка исчезла изъ моей руки, и увидѣлъ, какъ она понеслась по воздуху къ букету цвѣтовъ, и сорвавъ розовый бутонъ, бросила его къ моимъ ногамъ, а сама затѣмъ исчезла.

Впродолженіе почти двухъ часовъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такихъ поразительныхъ сценъ, что отъ нихъ легко можно было потерять голову... Какая-то рука появилась и гладила меня по лицу, обмахивала меня вѣеромъ, сыпала въ видѣ дождя по всей комнатѣ цвѣты, писала въ воздухѣ огненными буквами цѣлыя слова, которыя исчезали, какъ только написана была послѣдняя буква.

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ были столь многозначительны, что я наскоро записалъ ихъ въ свою памятную книжку; вотъ они:

"Дивіавапуръ гатва",

по-санскритски; "Я принялъ флюидическое (духовное) тѣло".

И вслѣдъ затѣмъ рука продолжала писать:

„Атманамъ крейза іоксіатасъ

Дегазіа сіа вимоканатъ".

"Ты достигнешь счастья, освободившись отъ этого брэннаго тѣла".

И въ продолженіе всего этого явленія настоящія сверкающія молніи вспыхивали въ обѣихъ комнатахъ.

Мало-по-малу всѣ руки исчезли; облако, изъ котораго онѣ, казалось, выходили, по мѣрѣ того, какъ руки повидимому материализовались, постепенно разсѣялось.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя рука исчезла, мы нашли вѣнокъ изъ желтыхъ иммортелей съ сильнымъ запахомъ, которые индусы обыкновенно употребляютъ при всѣхъ своихъ религіозныхъ церемоніяхъ.

Я ничего не объясняю... Я только рассказываю, предоставляя всякому дѣлать какія угодно предположенія.

Я могу только удостовѣрить, что двери въ обѣихъ комнатахъ, гдѣ мы находились, были заперты, ключи отъ нихъ были у меня въ карманѣ, и что факиръ все время не измѣнялъ своего положенія.

За этими явленіями послѣдовали два другія, которыя вѣроятно покажутся еще болѣе чудесными.

Тотчасъ послѣ исчезновенія рукъ, факиръ сталъ еще энергичнѣе читать свои заклинанія; тогда появилось облако, похожее на первое, но гораздо плотнѣе и болѣе яркихъ цвѣтовъ, и стало носиться около маленькой жаровни, въ которую, по просьбѣ индуса, я постоянно подкладывалъ горячіе уголья. Мало-по-малу оно приняло вполнѣ человѣческую форму, и я ясно могъ различить привидѣніе (иначе назвать не могу) стараго жреца-брамина, который стоялъ на колѣняхъ около маленькой жаровни.

На лбу у него были нарисованы символическіе знаки Вишну, а тѣло было опоясано тройнымъ шнуромъ, знакомъ посвященія его въ жрецы.

Руки его были сложены надъ головою, какъ во время жертвоприношенія, и губы шевелились, какъ будто онъ читалъ молитвы. Онъ взялъ щепотку благовоннаго порошка и бросилъ ее въ жаровню; количество было вѣроятно значительно, такъ какъ въ ту-же минуту поднялся густой дымъ и наполнилъ собою обѣ комнаты.

Когда дымъ понемногу разсѣялся, я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя привидѣніе, которое протягивало ко мнѣ свою тощую руку. Привѣтствуя призракъ поклономъ, я взялъ протянутую мнѣ руку и крайне былъ удивленъ, когда почувствовалъ, что она была, хотя костлява и тверда, но тепла и жизненна.

— Дѣйствительно-ли ты прежде обиталъ на землѣ? спросилъ я привидѣніе.

Но не успѣлъ я окончить свой вопросъ, какъ слово
Амъ! (да),

написанное огненными буквами, стало появляться и исчезать на груди старика-брамина. Буквы эти имѣли видъ, какъ будто онѣ были начертаны въ темнотѣ кускомъ фосфора.

— Не оставишь-ли ты мнѣ чего-нибудь въ доказательство своего присутствія, спросилъ я брамина.

Духъ перервалъ шнуръ, сплетенный изъ трехъ нитокъ, которымъ онъ былъ опоясанъ, и отдавъ его мнѣ, исчезъ у моихъ ногъ.

Я полагалъ, что сеансъ уже окончился, и хотѣлъ поднять одну изъ цыновокъ на террасѣ, чтобы освѣжить воздухъ внутри помѣщенія, гдѣ я буквально задыхался, но я замѣтилъ, что факиръ и не думалъ покидать своего мѣста. Въ это время вдругъ мнѣ послышалась странная мелодія, исполнявшаяся на инструментѣ, который, какъ мнѣ казалось, былъ тотъ самый гармонифлютъ, которымъ за два дня передъ тѣмъ мы пользовались для нашихъ опытовъ.

Но это тѣмъ не менѣе представлялось мнѣ невозможнымъ, такъ какъ наканунѣ еще Пейшва потребовалъ его къ себѣ, а потому онъ никакъ не могъ находиться въ моемъ помѣщеніи.

Вначалѣ звуки слышались вдали, но затѣмъ они приблизились настолько, что можно было предположить, что они выходили изъ сосѣднихъ комнатъ. Вскорѣ я услышалъ ихъ въ моей спальнѣ и замѣтилъ, какъ вдоль стѣны двигалось привидѣніе — музыкантъ пагоды, который извлекалъ изъ гармонифлюта жалобные и монотонные звуки, вполне схожіе по характеру съ индусскою духовною музыкаю.

Пройдя вокругъ моей комнаты и террасы, привидѣніе исчезло, и я нашелъ инструментъ, на которомъ оно играло, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно скрылось.

Инструментъ этотъ былъ дѣйствительно гармонифлютъ, принадлежавшій раджѣ. Я осмотрѣлъ двери: онѣ были какъ слѣдуетъ заперты, а ключи попрежнему находились у меня въ карманѣ.

Ковиндасами всталъ; крупныя капли пота выступили на всемъ его тѣлѣ; бѣдняга изнемогалъ отъ усталости, а между тѣмъ черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ отправиться въ дорогу.

— Благодарю тебя, малабарецъ, сказалъ я ему, назвавъ его по мѣсту родины, воспоминаніе о которой сильнѣе заставляло биться его сердце. — Пусть Обладатель таинственного тройственного могущества* покровительствуетъ тебѣ на пути къ дорогимъ странамъ юга, и да поможетъ онъ тебѣ убѣдиться, что счастье и радость царили въ твоей хижинѣ во время твоего отсутствія.

Подобнымъ напыщеннымъ слогомъ принято говорить въ Индіи въ минуту разлуки, и я обидѣлъ-бы бѣднягу факира, если бы

* Браминская Троица: Брама, Вишну и Сива.

употребилъ болѣе простыя выраженія, которыя онъ принялъ-бы за доказательство моего къ нему равнодушія. Онъ отвѣчалъ мнѣ въ такомъ-же духѣ, но съ большею еще напыщенностью, и, принявъ отъ меня предложенный ему подарокъ, онъ даже не взглянулъ на него и не унизился до выраженія мнѣ своей признательности. Съ грустью проговорилъ онъ мнѣ свой послѣдній прощальный привѣтъ и тихо скрылся за драпировкой, которою была завѣшена выходная дверь моего помѣщенія.

Я тотчасъ-же позвалъ своего слугу и велѣлъ поднять всѣ цыновки на террасѣ, чтобы открыть доступъ въ комнаты свѣжему утреннему воздуху.

Ночь блѣднѣла. Плавно катились серебристыя волны Ганга. Вдали легкая красная полоса возвѣщала, что вскорѣ горизонтъ озарится яркими лучами солнца.

Замѣтивъ на рѣкѣ черную точку, которая направлялась къ берегу, противоположному Бенаресу, я навелъ на нее подозрную трубу. Это былъ факирь.

Вѣрный своему обѣту, онъ, разбудивъ паромщика, переправлялся черезъ Гангъ, чтобы пуститься въ далекій путь къ Тривандераму.

Ему предстояло снова увидѣть синія волны океана, кокосовыя деревья и свою избушку, о которой онъ всегда вспоминалъ съ любовью.

Я легъ отдохнуть на нѣсколько часовъ въ гамакъ, и когда, проснувшись, я вспомнилъ обо всемъ мною видѣнномъ, мнѣ невольно пришла мысль, не былъ-ли я жертвою галлюцинаціи... Но гармонифлютъ находился передъ моими глазами, и я не могъ добиться, кто его принесъ сюда; цвѣты все еще валялись на полу террасы. Вѣнокъ изъ иммортелей лежалъ на диванѣ и записанныя мною появлявшіяся слова не исчезли изъ моей записной книжки.

Спиритизмъ въ Индіи

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе мы можемъ повторить только то, что сказали въ предисловіи: мы вовсе не намѣрены высказываться за, или противъ вѣрованія въ проявленія духовъ.

Цѣль наша была ознакомить читателя какъ съ спиритуалистическими вѣрованіями браминовъ, такъ и съ феноменами и внѣшними проявленіями, составляющими согласно этому вѣрованію тотъ способъ, которымъ пользуются питрисы, или духи, для доказательства своего существованія и возможности сообщаться съ людьми.

Вообще всѣ религіи признають существованіе особенныхъ невидимыхъ существъ, имѣющихъ извѣстное назначеніе въ мірозданіи.

Кромѣ того всѣ религіи учать, что человѣкъ, освободившись отъ своей земной оболочки, переходитъ въ состояніи духа въ высшій міръ.

Постоянно-прогрессивное усовершенствованіе души, а съ нею вмѣстѣ и духовной жизни — вотъ основная философская идея всѣхъ вообще ученій.

Что касается феноменовъ и яко-бы сверхъестественныхъ проявленій, то мы находимъ подтвержденіе этихъ вѣрованій — въ храмахъ Индіи, Халдеи и Египта, и въ катакомбахъ, въ которыхъ укрывались первые христіане.

Чтобы читатель могъ составить себѣ основательное сужденіе о томъ, возможны-ли или невозможны производимые факирами феномены, мы, лично не высказываясь о томъ, какимъ образомъ они производятся, хотя нѣкоторые могутъ приписать ихъ ловкому обману, другіе-же посредничеству таинственныхъ силъ, сошлемся на статьи ученаго Уильяма Крукса, помѣщенные въ "Quarterly journal of Science" о результатахъ его изслѣдованій спиритическихъ явленій*

Просимъ читателя обратить на нихъ вниманіе въвиду того, что они составляютъ трудъ ученаго авторитета, который не устыдился подписаться подъ ними, несмотря на различныя настойчивыя требованія умолчать о результатахъ своихъ опытовъ.

Быть можетъ, со временемъ, подобно намъ, многіе придутъ къ убѣжденію, что въ природѣ существуютъ еще силы, которыя необходимо изслѣдовать изучить, и не найдутъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы безконечное число существъ, развивающихся въ различныхъ состояніяхъ, общались на жизненномъ пути своемъ между собою.

КОНЕЦЪ.

* См. наше изданіе; "Изысканія въ области такъ называемыхъ спиритическихъ явленій. Матеріалізація Кэти Кингъ". Уильяма Крукса. Спб. 1882 г.

Л Жаколліо

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу
изданія С. Т. Румилова:

"ЧТО ТАКОЕ СПИРИТИЗМЪ?"
Бесѣды о спиритизмѣ и медиумическихъ
явленіяхъ, Спб. 1882 г.

Цѣна 50 коп.

ИЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ
ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ
СПИРИТИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Ма.теріалізація Кэти Кингъ

УИЛЬЯМА КРУКСА.

Спб. 1882 г.

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ Александра
Игнатъевича Бортневскаго, въ С.-Петербургѣ, уголъ
Троицкаго и Графскаго переулковъ.